

192

ДРУЖБА НАРОДОВ

ЕВГ. ПОПОВ. Удаки. Несколько кратких историй.

М. ХАРИТОНОВ. Линии судьбы, или Сундучок Милашевича.
Роман.

В. МЕДВЕДЕВ. Нечаянная революция.
Правда о Бухарском восстании 1920 г.

Забытый жанр: СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ

Нечаянная революция

Бухара, 1920 год

Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Экклезиаст, 1, 10

Немногие в наши дни знают, как произошла так называемая «бухарская революция». Да и от современников, от тех, кого она не коснулась, ее заслонили более масштабные события осени 1920 года. Промолчала о ней и западная пресса, европейская и американская.

Было Бухарское ханство, и нет его. Маленькое государство на южной границе бывшей Российской империи словно смыла гигантская волна захлестнувших страну революционных событий. Понесло, завертело, закружило и утянуло в глубину.

Ленин лишь вскользь упомянул Бухару в докладе о внешней политике РСФСР на VIII Съезде Советов в ряду приятных, но не слишком важных событий: «Мы должны приветствовать образование и упрочение Советских республик — Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян»¹. (Вряд ли кто из слушавших эти слова задумался о том, каким образом сумела «восстановить независимость» бывшая доселе независимой Бухара...)

Тогдашнее отношение центра к южным окраинам хорошо показывает коротенькая раздраженная телеграмма, отправленная шифровкой в Туркестан за восемь месяцев до бухарских событий:

«11.XII.1919 г.

Ташкент
Элиаве, Рудзутаку,
Куйбышеву

Ваши требования работников чрезмерны. Это смешно, или хуже, чем смешно, когда вы воображаете, что Туркестан важнее центра и Украины. Вы не получите больше. Должны обойтись тем, что имеете, и не задаваться безбрежными планами, а быть скромны.

Ленин»².

Большевикам было не до Средней Азии. Для них «делом абсолютной общественной важности», как выразился Ленин, была в то время борьба с белой гвардией на Кавказе и Кубани. В конце августа 1920 года (когда началась «бухарская революция») в Крыму действовал против красных Улагаевский десант. Большевистское правительство еще было ошеломлено тем, как победный поход на Варшаву внезапно обернулся разгромом Красной Армии на Западном фронте. Основным виновником поражения был Сталин³, но оправдываться перед партией пришлось наркомвоенмору Троцкому.

Оправдывался он подробно и обстоятельно на IX конференции РКП(б). О делах же бухарских сообщил бегло и с неудовольствием: «Туркестанский фронт был выведен из состояния обороны и полупокоя событиями в Бухаре. Я здесь должен прямо сказать, что этот шаг был сделан против воли центрального военного командования (разрядка моя. — В. М.). Мы советизировать Бухару не собирались, так как в это время мы были заняты наступлением на Варшаву, а Бухара, как вы знаете, находится несколько в стороне, так что отвлекать внимание к Бухаре мы не имели никакого основания. Но характер нашего международного положения таков, что каждая присоединенная к нам полоса, является сосредоточием контрреволюционности. Бухара стала таким же местом. В ней сосредоточилась русская, мусульманская и исламистская, и врангелевская контрреволюция и стала переходить к политике агрессивной. Тов. Фрунзе,

в руках которого находилось командование Туркестанским фронтом, настаивал на необходимости непосредственно ликвидировать эту военную опасность. Но ему было в этом отказано по соображениям, о которых я уже говорил: занимаясь наступлением на Антанту, мы не имеем права оттягивать ни одного солдата, не имеем права брать ни одного патрона для других предприятий. Тем не менее активность выступления Бухары была слишком велика, и теперь мы против своей воли имеем Советскую Бухару. Это было необходимо не только для нас, но и для бухарского эмира, который незадолго перед этим прислал нам подарок. Как наш Комиссариат вынужден выпутаться из этого положения, я сказать не берусь...»⁴

Думаю, что сказано все это совершенно искренне.

Однако в этой истории, как вы увидите, не сходятся концы с концами, а слова с делами. Действительно ли это было завоевание? Отчего Фрунзе решился на нарушение запрета? И был ли дан запрет? Что произошло там, в глубинах Азии, за много тысяч верст от Москвы?

Сегодня, когда история страны медленно возникает на наших глазах, словно изображение на фотобумаге в ванночке с проявителем, когда первыми выплывают самые темные очертания, история Средней Азии все еще остается непроявленной.

О падении Бухарского эмирата написано несколько книг. Все они путано и туманно излагают версию о том, как «восставший народ» при поддержке Красной Армии сбросил феодальное иго. Исключение составляет (в момент окончания данной работы) небольшая публикация в журнале «Родина», но и та лишь набрасывает пунктиром внешний ход военной операции, не объясняя ни значения, ни сути событий, которые, несмотря на давность, сохраняют для нас огромное значение. Очень важно попытаться восстановить ход событий, понять реальные взаимоотношения различных партий, слоев общества и отдельных людей, их роль и участие в случившемся... Я убежден, что многое из того, что происходит в Средней Азии в наши дни, что тревожит и жжет нас, идет оттуда, из тех давних лет.

Свет, восходящий от земли

В Бухаре вас охватывает то же чувство, что и высоко в горах. Трудно передать его словами. Вас пронизывает ощущение, что происходит нечто грандиозное. Но на самом деле не происходит ничего. Просто перед вами возвышаются каменные скалы, а над ними — вершины, покрытые снегом. Их присутствие само по себе есть великое событие. Вы постигаете, что в них скрыта какая-то неподвижная, необъятная мысль. Вернее, сами горы и есть эта мысль, которую не выразить иным языком, кроме языка горных складок и вершин...

То же чувство посещает вас в Бухаре, расположенной вдали от гор, среди солончаковой степи.словно какая-то несказанная мысль пронизывает все, что видите вы вокруг. Она витает над громадными «Икарусами», наполненными туристами, которые занимаются самым бессмысленным делом на свете — глядят на старые камни. Она сияет над старым городом и над бетонными коробками микрорайонов, над советскими учреждениями и над древними куполами знаменитых храмов...

«Во всем мире свет нисходит с небес, и только в Бухаре он восходит от земли», — так говорят здесь и по сей день. Став одним из рядовых советских городов, превратившаяся из святыни для паломников в приманку для туристов, даже и сейчас Бухара излучает незримое сияние.

Бухарцы говорят, что это от того, что в земле ее похоронены тысячи праведников, и духовный подвиг многих поколений святых и мыслителей аккумулировал громадную энергию. Хотя, возможно, город был выстроен на месте, уже обладавшем особой энергетикой.

Энергия Бухары не связана с какой-либо одной религией. Город был духовным центром уже тогда, когда в 665 году его завоевали арабские войска, принесящие с собой ислам. Предполагают, что само название Бухары происходит от санскритского слова *вихара*, что означает «буддийский монастырь». Как пишет Густав фон Грюнебаум, арабы, завоевавшие Мавераннахр, столкнулись с высокоразвитым миром небольших городов-государств, в основном с согдийским наречием и культу-

рой, меж которых были расселены тюркские племена, откуда нередко происходили династии правителей этих городов⁵.

Обилию народов сопутствовала красочная мешанина религий. Здесь сочетались языческий шаманизм тюрков и несторианский вариант христианства, буддизм, зороастризм и манихейство. Последовавшее за колонизацией истребление согдийской и хорезмийской элиты и насаждение новой веры превратило эти территории в центр миссионерской деятельности. В Бухаре и Самарканде стала интенсивно развиваться мусульманская духовная культура. Несколько веков спустя Бухара стала одним из значительных не только в Средней Азии, но и во всем мире, центров суфизма. О ее влиянии говорит то, что золотоордынский хан Берке, правивший в XIII веке, специально отправился в Бухару, чтобы принять ислам от Сайфаддина Саида ал-Бахарзи, главы суфийского ордена кубравия.

Не только в древности, но и в начале XX века Бухара оставалась признанным центром мусульманского богословия, хранительницей заветов ислама. Сюда съезжались тысячи паломников не только из Средней Азии, но и из России и иных сопредельных стран. Здесь, в медресе, духовных школах, обучались будущие священнослужители из самых разных стран. Уже не одно столетие Бухара была второй после Стамбула столицей мусульманского мира. И подобно тому, как турецкие султаны некогда узурпировали титул «халифа всех правоверных», правители Бухары из узбекского рода мангытов, взойдя на ханский престол, сами нарекли себя «эмирами правоверных», подчеркивая не только светский, но и религиозный характер своей власти.

Однако под внешним великолепием, под кажущейся силой скрывалась слабость. Величие Бухары можно сравнить с величием старца, у которого все в прошлом и который сухими, но еще сильными пальцами цепляется за остатки былого. Вся энергия Бухары уходила на то, чтобы удержать, сохранить накопленное в предыдущие столетия. Ее богословие превратилось в схоластику, ее благочестие стало отдавать ханжеством, ее мудрость свелась к простому повторению древних истин. И то, что прежде жило, дышало, развивалось, ныне окостенело и окоченело.

Сходное положение сложилось к этому времени во всех мусульманских странах, но в Бухаре оно усиливалось тем особым положением, которое заняло Бухарское ханство после завоевания Россией Средней Азии.

Химера, созданная Россией

С древних времен в Средней Азии существовали два ханства: Бухарское — в бассейне реки Зеравшан и соседнее с ним Хивинское — в нижнем течении Аму-Дарьи. Сравнительно недавно, в конце XVIII века в Ферганской долине возникло третье ханство — Кокандское, которому вскоре удалось овладеть Ташкентом, бывшим до того независимым городом-государством. Четких границ между этими тремя ханствами не было. Ни одно из них не было образовано по национальному признаку. Бухарское ханство населяли таджики-земледельцы, кочевые и оседлые узбекские племена, несколько больших туркменских родов...

До середины прошлого века Мавераннахр напоминал бурлящий котел. Все три ханства почти постоянно вели между собой войны, а в каждом из них время от времени вспыхивало то крестьянское восстание, то мятеж провинциальных феодалов против центрального правительства, то жестокая борьба меж родами и племенами. Войны были кровопролитными, а каждая победа неизменно завершалась расправой над побежденными, массовыми казнями и грабежами.

Во второй половине XIX века в Среднюю Азию двинулась Россия. В 1865 году был взят Ташкент. К империи были присоединены земли Кокандского ханства. Однако волна этого движения, как пишет известный военный журналист и писатель Дмитрий Логофет, не могла остановиться и широко разлилась далее, затопив соседние бухарские владения. Последовательно один за другим были завоеваны города Ура-Тюбе, Джизак, Самарканд, Ургут, Катта-Курган. Вскоре Бухара потерпела окончательное поражение. Эмир согласился на все предложенные условия, и в 1868 году был заключен мирный договор между Россией и Бухарским ханством, которое по логике событий, подобно Кокандскому ханству, должно было влиться в империю.

Но этого не произошло. О том, как развивались далее события, ярко и подробно

рассказывает в своей книге «Страна бесправия» Дмитрий Логофет: «Вся Бухара была фактически завоевана силою русского оружия и имела все данные быть присоединенною к остальным, вновь образованным русским областям Туркестана; но в это время, к глубокому изумлению самих бухарцев, вследствие каких-то совершенно непонятных соображений Шахризьбский край, составлявший почти всю нынешнюю Восточную Бухару, всегда бывший независимой жизнью и не признававший власти Бухарского Эмира, был отдан Бухаре и из оставшегося небольшого Бухарского Ханства создано было искусственно значительное новое Среднеазиатское государство»⁶.

Более того, Бухарское ханство было искусственно укреплено изнутри. Дело в том, что значительная часть Бухарских владений лишь формально подчинялась центральному правительству и никогда полностью не признавала его власть над собой. Китаб, Чиракчи, Шахрисабз и бекства Гиссарского края, отделенные от стольной Бухары труднопроходимыми горными перевалами, издавна отстаивали свою независимость. Гиссарский край войска бухарского эмира не могли завоевать в течение целого столетия, несмотря на крайнюю жестокость к мятежникам. Так, эмир Мухаммед Рахим во время карательного похода в Гиссарскую долину в 1756 — 1758 годах сложил в окрестностях Денау «минарет из голов» казненных им людей. Однако окончательно подчинить горные бекства Бухара была не в силах. Все эти обширные области в 1870 году покорил генерал Абрамов.

Итог был неожиданным для многих и в России, и на Востоке. Продолжу выдержки из Логофета: «Наша далеко недалновидная дипломатия... почему-то не желая считаться с исторически сложившимися отношениями между государствами и всеми небольшими самостоятельными владениями Средней Азии, не приняв также во внимание, что Гиссарский край является федерацией мелких государств... отдала его весь целиком Бухаре...

Лишь под покровительством русских штыков удалось Эмиру подавить ряд кровопролитных восстаний, начавшихся во всем крае, непосредственно вслед за его присоединением к владениям Бухарского Ханства и продолжавшихся почти пятнадцать лет...»⁷

Внезапное усиление центрального правительства привело к последствиям, которых можно было ожидать. Под защитой русского оружия расцвел неслыханный произвол властей. Присланные из столицы на места правители и чиновничий аппарат сделали невыносимой и без того нелегкую жизнь крестьянина. Земледельца обирали до последнего зернышка, скотовода — до последней шерстинки. И это без всякого преувеличения.

Среди крестьян началось массовое бегство. Эмигрировали целыми селениями. Некогда цветущий край нищал. Пришлomu бюрократу не было нужды заботиться о завтрашнем дне. Администрация набросилась на местное население, как медведь, который разоряет улей, чтобы разом выгresti весь мед... А всю вину свалили на... русских. Распускаясь слухи о том, что подати оттого стали вдвое больше прежних, что собирают их чиновники не для себя, а для русских властей и войск.

«Младенчески доверчивый народ, — пишет Логофет, — разумеется, не старается даже проверить эти слухи, принимая их на веру и испытывая лишь страшную глухую ненависть к угнетателям — русским (урусам), бесконечно жадным на деньги, алчность которых поглощает все их имущество... В Афганистане, Читрале и в далекой Индии циркулирует по базарам слух о трудностях житья для мусульман в Бухарском Ханстве, где русские снимают последнюю рубашку с нищего-байгуша, чем страшно роняется престиж Великой России во всем мусульманском Востоке»⁸.

Не могу судить, насколько справедливо Логофет корит тогдашних российских дипломатов за то, что они не спешат присоединить Бухару к империи. Тому были свои причины, главная из которых — необходимость иметь буферное государство на границе с Афганистаном, который в свою очередь был буфером Британии...

Россия превратила Бухару в своего рода химеру, то есть создание, в котором смешались несоединимые черты — и отвратительные, и светлые. Было бы несправедливо утверждать, что Россия принесла Бухаре только вред. Она приобщила средневековую страну к достижениям современной цивилизации. Главное — навсегда прекратились жестокие кровопролитные войны между среднеазиатскими ханствами. Это благо, не сравнимое ни с чем. К столице ханства была проведена железная дорога, проложена телеграфная линия. Почта соединила Бухару регулярной связью со всем миром. В столице открылись больница и медицинские пункты. В Бухарское ханство хлынул русский капитал, который можно сравнить с кислородом, который дали угасающему больному. Необычайно оживились торговля и производство промышленного сырья.

Все это родило в бухарском обществе два направления. Два противоположно

направленных вектора. Один — это жадная тяга к переменам, к дальнейшему развитию: техническому, культурному, социальному и политическому. Другой — страстное сопротивление переменам, естественное стремление сохранить свою культурную самостоятельность и целостность.

Обе эти тенденции всегда присутствуют в любом обществе, но тогда, в начале века, они столкнулись в Бухаре особенно жестко и непримиримо.

Школа вольнодумия

Нам, людям 90-х годов, свидетелям и участникам нынешней контрреволюции*, легче понять бухарских диссидентов, чем их современникам, российским революционерам или бухарским реакционерам. Другая эпоха, другие нравы, другой общественный строй... Но поверх всех различий нас объединяет психологическая общность. И мы, и они выросли в несвободе и стремились вырваться из нее.

Они, как и мы, страдали от чиновничьего беспредела, от произвола государственного аппарата, коррумпированного от самого верха и до самого низа.

Они, как и мы, задыхались в атмосфере духовного сыска и интеллектуального насилия, двоемыслия и бессловесности.

Их нетерпение, как и наше, подогревалось сознанием, что в других странах люди живут иначе.

Тогда, в начале века, не только на диссидентов, но и на все слои бухарского общества произвело огромное впечатление образование меджлиса, то есть парламента, в Персии. Еще более противоречивые чувства и мысли вызвал переворот 1908 года в Турции, бывшей доселе идеалом мусульманского государства. Купцы, приезжавшие из России, Ташкента и Самарканда, рассказывали о забастовках и стачках, о рабочих волнениях.

Представьте себе, как все это действовало на воображение молодых людей из богатых купеческих семей и их товарищей, образованных и талантливых студентов медресе.

Но самое большое влияние оказал на них живой пример. И здесь, точно так же, как и у нас, дело не обошлось без иностранцев. Правда, общаться с ними бухарским вольнодумцам было значительно проще: иностранцы-татары принадлежали к той же вере, что и среднеазиатские мусульмане-сунниты, а язык их без труда понимали и узбеки, и таджики, одинаково хорошо владевшие и фарси, и тюркским.

Впрочем, иностранцами уместно назвать только тех татарских купцов или переводчиков, что прибывали в Бухару с торговыми караванами. Немало татар жили здесь постоянно и были бухарскими подданными. По всей видимости, их насчитывалось около тысячи человек, возможно, вдвое или втрое больше. Некоторые бежали сюда из России и оседали насовсем.

«В течение многих лет татары центральной России, Крыма и Кавказа влияли на весь ход политического и культурного развития народов Средней Азии»⁹, — вспоминал Файзулла Ходжаев, один из бухарских «сердитых молодых людей», ставший впоследствии известным советским и партийным деятелем.

Татарская религиозная и политическая мысль стала школой вольнодумия для бухарской молодежи. Примечательно, однако, что в свое время татарское свободомыслие зародилось именно в Бухаре, где татарская молодежь издавна получала духовное образование. История его связана с именем видного татарского ученого Абун-наسر-Эль-Курсави (скончался около 1813 года), возглавившего религиозно-реформатское движение, направленное против засилия исламской схоластики. Как «неверный» и «безбожник» Курсави был приговорен к смертной казни.

Однако то, что оказалось невозможным в Бухаре, обрело жизнь в Казани. Здесь религиозно-реформатское движение возглавил мулла-историк Шихабалдин Марджани,

* Не вношу в это понятие никакой оценки — моральной или политической. Отмечаю лишь, что процесс, направленный на искоренение последствий «завоеваний» предыдущей революции, по отношению к ней есть контрреволюция. Впрочем, Дмитрий Мережковский считал Октябрьскую революцию контрреволюцией по отношению к Февральской.

который доказывал, что ислам не только не противоречит европейской науке, реформам школ и т. д., но наоборот, нуждается в них.

Последователей нового учения стали называть д ж а д и д а м и. Об этих людях и их взглядах в советское время писали очень мало и невразумительно. Сочинения их не переиздавались и не переводились на русский язык. В наши дни интерес к джадидам в исламских регионах страны чрезвычайно велик. Демократические движения и народные фронты видят в них своих предшественников — духовных отцов. Однако это — особая, сложная тема, и сейчас мы ограничимся общими сведениями. Вот что говорится о джадидизме в многотомной «Энциклопедии ислама» (даю сокращенный перевод):

«ДЖАДИДЫ (арабское «новый» «современный»; в тюркском произношении д ж е д и д), последователи усул-и джедид(е), «нового метода» среди российских мусульман. Движение возникло около 1880 года среди казанских татар... и отсюда распространилось среди других тюркских народов России. Джадиды выступали против «религиозного и культурного упадка», они настаивали прежде всего на современных методах школьного обучения для культурного объединения всех тюркских народов, живущих под русским господством, но вместе с тем и для их участия в культурном и социальном развитии России того времени. Поэтому они считали необходимым, чтобы тюрки, живущие в России, изучали русский язык, которым до сих пор они в большинстве своем не владели. К 1900 году, несмотря на противостояние мулл, движение джадидов распространилось среди всей тюркской интеллигенции России, особенно в европейской ее части, и нашло своего признанного лидера в лице представителя крымских татар Исмаила Гаспирали (русс. Гаспринский). С 1885 года он издавал свою газету «Терджуман» («Переводчик») и таким образом оставался по существу свободным от полицейского преследования, невзирая на тот факт, что влияние панисламских и пантюркских идей было совершенно очевидно. Сам Гаспирали выдвинул идею создания языка, который был бы понятен всем тюркам в России и основой которого был оттоманский..

После революции 1905 года джадиды получили возможность действовать более свободно, и теперь их влияние на Среднюю Азию было более энергичным»¹⁰.

Перечень имен бухарских джадидов мало что скажет современному читателю. Это была золотая молодежь, выделявшаяся среди своих сверстников богатством либо талантом. Широко известны лишь несколько человек из них. Это Файзулла Ходжаев, ставший впоследствии председателем Совета народных комиссаров (назиров) Бухарской Народной Советской Республики, председателем ЦИК СССР; Садриддин Айни — в будущем знаменитый писатель; Абдурауф Фитрат — известный писатель, публицист и общественный деятель... Их было вначале совсем немного — несколько сыновей богатых купцов и увлеченных поэзией и философией студентов медресе. И те и другие были личностями далеко не заурядными. А для того, чтобы стать незаурядным, в Бухаре в то время требовались немалая энергия и избыток духовной и умственной независимости.

Система обучения в бухарских медресе калечила молодые умы. Как сообщает Айни, образование по сути сводилось к заучиванию наизусть определенного числа текстов на арабском, на что у большинства уходили годы, а то и десятилетия. Лишь человек с действительно недожизненными способностями, пройдя такую обработку, мог сохранить живой ум, способность к самостоятельному мышлению, широту взглядов.

Что же до большинства юношей из богатых семей, то были они, как правило, вожаки удалых компаний, кутилы, забияки, грубые и жестокие «шалуны», обижавшие слабых и бедных. По произведениям Айни разбросано немало рассказов о циничных и безжалостных проделках бухарских б о й б а ч е й, которые, несомненно, казались дикими молодежи новой формации. Новые времена несли с собой новые нравы, которые в немалой степени были связаны с новым богатством. Под последним я имею в виду не «теневой капитал», как может предположить наш современник, а капитал, нажитый в новых, непривычных еще для традиционного общества условиях.

Бухара издавна была торговым городом. Как говорили здесь в старину, «товары с четырех сторон приходили и опять на четыре стороны уходили». Шли они со всех уголков Средней Азии, из Афганистана, Ирана, Китая, Индии, России. А. А. Семенов описывает бухарские базары начала века: «Я хорошо знал торговые места всех больших городов в Средней Азии, но бухарские базары подавляли своей грандиозностью... Здесь можно было купить почти все, что производили Восток и Запад: от настоящего швейцарского сгущенного молока и концентрата бульона Либиха до сухого имбирного варенья из Шанхая и душистых свечей из Рангуна, от эффектных мальтийских шалей с серебра-

ными блестками до чудесной индийской кисеи, тканной золотом... Местные антикварные лавки таили в себе немало интереснейших предметов большой древности, вызывавших иногда неподдельное удивление. Здесь можно было встретить внушительные по виду и тяжелые мечи крестоносцев с серебряными латинскими девизами у гарды вроде: «Сегодня я дал, завтра получил. От рождества Христова 1405 год», «Помни о смерти. От рождества Христова 1376 год»; увесистые восточной бронзы чаши с серебряной насечкой, с горельефными изображениями сцен из древней жизни Ирана, прекрасной сохранности древнюю фарфоровую посуду с чудесными *reflet metallique* XI—XIII вв., интереснейшие древнегреческие, индо-скифские, парфянские, мусульманской эпохи и прочие монеты»¹¹

После завоевания Средней Азии, особенно после того, как была проложена железная дорога, на рынках Бухары главное место заняли русские товары. Из России завозились металлы, фабричные ткани, фарфор, сахар, лес, деревянные изделия и многое другое. В Россию же из Бухары вывозились каракуль, хлопчатобумажные и шелковые ткани, алача, шелк-сырец. Однако со второй половины XIX века в связи с развитием в России машинной индустрии, прежде всего текстильной, все большую роль начал играть вывоз промышленного сырья.

Новые времена резко изменили стиль торговых отношений. Прежде каждый торговал каким-то одним товаром, как торговали его отец и деды. Менять торговую специальность было не принято. Народная этика считала недопустимым «отбивать хлеб» у собрата, получившего занятие от предков. Но обычай этот стал отмирать. Купцы обратились к тем отраслям торговли, что сулили наибольшую выгоду и совмещали сразу несколько торговых специальностей, доселе совершенно не связанных друг с другом: торговлю хлопком и каракулем, хлопком и коконами, хлопком и чаем¹²

Торговля с Россией, маклерская и посредническая деятельность приносили неслыханные барыши, рождали колоссальные компрадорские капиталы. Кстати, и сам эмир был крупнейшим из бухарских торговцев

Капитал-то и рождал томление духа, хотя вернее было назвать это «томлением капитала» Что-то сходное испытывали и наши подпольные миллионеры в «предперестроечную» эпоху

Богатство само по себе не имеет никакой ценности. Подобно тому, как деньги — всего лишь раскрашенные бумажки, если они не обеспечены материальными ценностями, точно так же и сами материальные ценности (стада овец и кипы каракулевых шкурок, рулоны шелковых тканей и мешки риса, горы зерна и ценные бумаги) лежат мертвым грузом, если они не гарантируют того главного, что должно дать богатство, — свободы и безопасности.

В иерархии феодального государства торговый человек был бесправным и беззащитным. Нередко эмир или кто-то из высокопоставленных чиновников ложно обвиняли купцов в преступлении, чтобы завладеть богатством. Как ни парадоксально, для богатого бесправие гораздо тягостнее, чем для бедного, поскольку богатч уже достиг предела адаптации. Его средства позволили ему приспособиться к среде настолько, насколько это вообще возможно. Богатому остается уже не приспосабливаться, а изменять окружающий мир, чтобы сделать его более комфортабельным и более безопасным для себя Любопытно было бы проследить тот окольный путь, которым богатство начинает благоустраивать действительность.

Переделка материального мира начинается с благоустройства мира духовного. Вначале вперед выступают просветители — бессребреники, возвышенные идеалисты, бедные поэты, бескорыстные ученые, бесстрашные обвинители власть имущих, самоотверженные борцы за справедливость. Сеют они разумное, доброе, вечное, а когда посеют, то, отодвинув сеятелей, выступают вперед те, кому по праву надлежит собрать урожай плодов земных. Не так ли случалось во все времена — от Вольтера до Сахарова?

Первых бухарских джаидов Файзулла Ходжаев в своих воспоминаниях назвал «кучкой фрондирующих интеллигентов». Не забудьте, однако, что фрондировать в те годы в Бухаре было очень небезопасно. Но и они делали гораздо больше, чем просто вели смелые речи за закрытыми дверями.

В 1910 году было создано тайное общество «Тарбия-и этфаль» («Воспитание детей»), насчитывавшее всего тридцать человек. Через два года было начато издание двух газет: «Бухоро-и шариф» на таджикском и «Турон» на узбекском языках. В 1914

году был основан кооператив для издания учебных пособий «Товарищество священной Бухары» с книжным магазином «Баракат», своеобразным клубом и местом встреч просвещенной молодежи; собрана общественная библиотека «Марифат».

Думаю, эта деятельность не покажется слишком скромной нашим современникам, которые помнят, чем могли закончиться подобные дела в Стране Советов всего еще несколько лет назад. Вряд ли в Бухаре в начале века к ним относились более терпимо.

Все это была работа для отдаленного будущего. Но был сделан и шаг, последствия которого сказались резко и решительно в самом скором времени, хотя само событие было, на первый взгляд, незначительным. Несколько молодых способных людей поехали учиться за рубеж — в Турцию..

Инкубационный период джадидского движения длился несколько лет и завершился не то в 1914, не то в 1915 году «кризисом». Не был ли сей кризис отзвуком мировой войны, в которую вступила Россия? Турция по подсказке Германии призвала мусульманский мир к «газавату» против стран Антанты, в том числе и против России. «Священная война made in Germany», как иронически именовали ее европейские политики и журналисты, ослабила влияние России и вообще Европы в Бухаре. Были закрыты газеты, усилились придиры к легальным обществам, основанным джадидами...

В это же время вернулась домой посланная на учебу молодежь, потрясенная и воодушевленная турецкими впечатлениями. Они увидели, что старшие братья — младотурки — не только твердо взяли власть в свои руки, но и на деле осуществили то, о чем бухарские джадиды до сих пор не решались даже мечтать. Обновленные, окрыленные воспринятыми в Стамбуле воззрениями и идеями, они горели от нетерпения и сразу же решительно выдвинули новую программу: борьба за снижение налогов, ограничение чиновничьего произвола, участие джадидов в государственных делах. Они требовали перехода от просветительства к политической борьбе. По словам Ходжаева, это было «первое расслоение... рядов на джадидов старого толка и левое крыло, состоящее в основном из молодежи. Во главе джадидов старого толка встал Абдувахид Бурханов, во главе левых — Фитрат... Венцом всех джадидских требований, сладкой мечтой джадизма, его программой максимум... в последние предреволюционные годы было введение в Бухаре конституции по младотурецкому образцу».

Чего они жаждали больше — власти или свободы? Свобода казалась им недостижимой. Богатые не могли купить, одаренные — завоевать ее силой своего таланта. Ее можно было лишь добыть кровью. Своей или чужой. Они выбрали чужую. Выбрали полусознательно, быть может, не вполне представляя себе, к чему приведут их действия, и готовые переложить вину за происшедшее на других. Осудить их легко. Но право на это имеет лишь тот, кто добывал свободу своей собственной кровью.

Джадиды. Первая кровь

Пришло время узнать и Бухаре, как трудны на деле, а не в мечтах, вожделенные перемены. Наступил февраль 1917 года. Джадиды увидели воочию, как не где-то там, за рубежом, а дома, в Бухарском ханстве, возникают и действуют новые формы правления. В русских поселениях эмирата власть взяли исполнительные комитеты Временного правительства. Дело в том, что на территории Бухары, в городах Новая Бухара, Чарджоу, Керки, Кушка находились принадлежащие России поселения, где жили российские подданные, стояли воинские гарнизоны и действовали законы Российской империи. Небольшие поселки, где жили железнодорожники и телеграфисты, располагались вдоль линии железной дороги, а на границе стояли российские заставы.

12 марта 1917 года был избран Новобухарский исполком, а уже через полтора месяца, в первых числах мая, состоялся первый областной съезд делегатов исполнительных комитетов всех русских поселений Бухарского ханства. (Советские историки никогда не упускают случая подчеркнуть, что состояли комитеты в основном из меньшевиков и эсеров.) Странное создалось положение — обособленные оазисы демократии в мрачных просторах абсолютной монархии.

Возмечтали и джадиды «добиться у эмира при помощи русской власти, так давно желаемой, но смутно представляемой конституционной монархии, а также и европейской системы образования». Было послано телеграфное обращение Временному правитель-

ству с просьбой оказать давление на эмира в смысле побуждения его к реформам. Подписали обращение лишь «активные младобухарцы» (определение Файзуллы Ходжаева). По-видимому, дело казалось им не сложным. Керенский дает указания эмиру. Эмир издает манифест, преобразования свершаются. Знали ли они, торопя Петроград, что подготовка к реформам уже идет в Бухаре? Насколько сложной была задача показывать приведенные ниже выдержки из донесений в Петроград от российского резидента в Бухаре* А. Я. Миллера и туркестанского генерал-губернатора А. И. Куропаткина.

**«Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре
22 марта 1917 г., № 135**

Под влиянием слухов о предстоящих реформах, в Бухаре замечается некоторое брожение среди весьма многочисленных мулл, усматривающих причину предстоящих реформ в интригах шиитов и в происках весьма ничтожного по числу кружка местных либералов. Ввиду сего спешно просим кушбеги** незамедлительно лично и через казика-ляна*** разъяснить выдающимся муллам, что непреклонное решение произвести реформы исходит от самого бухарского правительства и будет выполнено на точном основании шариата. Считаю долгом вновь упомянуть крайнюю необходимость в обращениях бухарского правительства к народу неизменно указывать на шариат, как на главное основание всех будущих реформ; малейшее уклонение от сего повлечет тотчас же самое враждебное отношение в широких невежественных массах, могущих усмотреть в реформах покушение неверных на изменение основ шариата...

Миллер»

**«Секретная телеграмма туркестанского генерал-губернатора
на имя министра иностр. дел
24 марта 1917 г., № 360**

...В решении всех вопросов, касающихся введения начал нового строя в Бухаре, надлежит, по моему мнению, руководствоваться чрезвычайной осторожностью, считаясь с особенностями шариата и векового быта ханства, дабы, вместо довольства населения присоединением его к дарованным всей России свободам, не вызвать недовольства и даже возмущения. Создав в туземцах Бухары враждебное к России отношение, можно опасаться вмешательства Афганистана в защиту ислама. Волнение же в Бухаре, особенно в связи с выступлением Афганистана, неизбежно отразится и на туземном населении соседних русских областей, и особенно в Самаркандской. В предупреждение сего желательно, чтобы первые шаги приобщения Бухары к новой жизни исходили от самого бухарского правительства, а не снизу, так как революционное движение против эмира может принять характер выступления против России и породить смуту не только в Бухаре, но и в крае, последствия которой даже трудно предусмотреть...

Куропаткин»

**«Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре
30 марта 1917 г., № 151**

С р о ч н а я

...Неполучение до сего времени каких-либо указаний касательно манифеста эмира, одобренного генерал-губернатором, создает здесь тяжелое, опасное по своим послед-

* Резидентство (полицеское агентство) — полномочное представительство России в Бухаре — было не столько обычным посольством, сколько органом, через который царское, Временное, а затем и Советское правительства активно воздействовали на курс и внутреннюю политику правительства Бухарского ханства.

** Высший административный чин в Бухарском Ханстве, первый сановник страны, премьер-министр, замещающий эмира при его отлучках из Бухары.

*** К а з и к а л о н — верховный судья, который избирался из наиболее авторитетных судей, утверждался эмиром и являлся как бы начальником всех судей ханства, аттестуя их перед эмиром. Здесь и в дальнейшем слово «кази калон» в цитатах приводится в том написании, в каком оно дано в цитируемом тексте.

ствиям для наших интересов в ханстве положение. Население нетерпеливо ожидает возведения эмиром обещанных реформ, волнуется вследствие всевозможных слухов, распространяемых реакционерами и сторонниками реформ. Крайняя группа последних вошла даже в сношение с самаркандскими мусульманами касательно попытки вырвать у эмира уже одобренный министром почин реформ и самими предъявить бухарскому правительству ряд требований...

Происходят оживленные сношения с Афганистаном. Усилились слухи о готовящемся избиении и изгнании русских. Вооруженной силы для защиты наших граждан, в случае восстания мусульман, у меня нет. Рассчитывать на такую извне нельзя. Поэтому, ввиду одобрения министром программы реформ и условий их проведения в ханстве в жизнь и неимения со стороны генерал-губернатора каких-либо возражений против манифеста, считаю в силу создавшегося положения вещей, необходимым немедленно же обнародовать таковой, дабы внести успокоение и избежать катастрофы..

Миллер»¹³

Посылают и джаиды после долгих ожиданий еще одну телеграмму в Петроград с просьбой воздействовать на эмира. И они не могут понять, почему Временное правительство тянет с разрешением обнародовать манифест.

Причина оказалась нелепой. Как записывает в дневнике А. И. Куропаткин: «Миллер... жаловался, что в Петрограде три недели задержали ответ на его депешу о манифесте (Клемм* говорил, что Миллюков внес этот вопрос на рассмотрение Совета Министров). Керенский, которого считали знатоком азиатских дел, высказался за расширение рамок манифеста, указывая на необходимость уничтожения рабства. Клемму пришлось поправить указанием, что рабство в Бухаре давно уничтожено...»¹⁴

Старое бухарское духовенство понимало суть будущих реформ ничуть не яснее, чем Керенский представлял себе общественное устройство Бухары. Петербургским либералам и бухарским клерикалам, этим двум чуждым мирам, не знавшим и не понимавшим друг друга, договориться было нелегко, а может, и невозможно. Что бы делали они без старого мудрого Миллера, тонко чувствовавшего ситуацию и делавшего все, чтобы «навести мосты» и совместить несовместимое.

Садриддин Айни в «Истории революции в Бухаре» описывает забавную беседу между Миллером и тогдашним кази калоном, которому резидент пытался растолковать основы будущих преобразований: «...Свои рассуждения он высказывал казикалян не в форме совета, а в форме простого рассказа или сообщения. Казикалян высказал Миллеру свои возражения.

Относительно базарного налога. «Этот налог согласуется с шариатом. Это арендная плата государственных базаров, я не могу согласиться на его отмену».

О реформах судов и установлении единой зарплаты для судей. «Если судьи не будут брать деньги с бедняков, их величие и богатство станут меньше, народ перестанет их уважать и почитать, подданные перестанут им подчиняться. Так как в результате будет вред шариату (лжешь, будет лишь вред твоему карману!**), я с этим положением согласиться не могу».

О школах. «Если откроются новометодные школы, дети будут воспитываться смутьянами. Улемы*** будут возмущаться против такого положения дел, поднимут шум. Если школы будут на русском языке, то вреда не будет»¹⁵

Это говорил один из первых сановников государства, и судите сами, сколь нелегкая работа предстояла тем, кто взялся бы вводить новшества. Да и кто мог бы осуществить их в Бухаре? Миллер полагал, что даже создание чего-то «вроде меджлиса или Учредительного собрания представляется совершенно недопустимым... По местным условиям туземных комиссий вполне достаточно...»

Кому-то и сейчас эта мысль покажется шовинистической, принижающей способ-

* К л е м м В. О. — управляющий среднеазиатским отделом министерства иностранных дел.

** Это сам Айни, описывая беседу, не удержался от возмущенного восклицания. Однако он не совсем прав. Дело не только в корыстолюбии, но и в особом складе мыслей, о котором будет сказано позже.

*** Признанные и авторитетные знатоки теологии и религиозного права, хранители мусульманского благочестия. В основном, исполняли и исполняют должности преподавателей в медресе, проповедников, религиозных судей и т. п.

ности местной администрации. Но Миллер говорит лишь о том, что в феодальной Бухаре попросту не было чиновников, имеющих опыт создания демократических структур, даже самых простейших. Он писал:

**«Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре
31 марта 1917 г., № 154**

С р о ч н а я

...Одним туземным комиссиям, состоящим из занятых своим делом лиц, со своей задачей не справиться и им необходимы наши советники, о чем бухарцы всех классов, особенно прогрессивно-демократические элементы, меня настоятельно просили... Кроме того, первоначального пыла у туземных комиссий хватит ненадолго. Работа же предстоит огромная и серьезная, для долгого выполнения коей мною предложена... Организация по примеру Туниса, Алжира, Марокко и Египта. Агрономическая, лесная, ирригационная, строительно-дорожная и ветеринарная организация уже существуют на бухарские средства. Следует добавить еще финансовую, торгово-промышленную, санитарную, просвещения, почт и телеграфов и контрольную. Во главе каждой стоят советники, которые образуют совет под председательством резидента: без наших людей на местах все возведенные реформы останутся мертвой буквой. Все бухарцы, особенно прогрессивно-демократический элемент, это прекрасно сознают и сами этого требуют, понимая, что без нашего содействия реформы не будут осуществлены.

...Вновь настоятельно ходатайствую о скорейшем обнародовании манифеста эмира с поправками и дополнениями, как Временное Правительство сочтет нужным сделать...

Миллер»¹⁶

И вот наконец манифест был утвержден и торжественно обнародован 7 апреля 1917 года. Что же обещал эмир Бухаре?

«...Прежде всего Нами будут положены незыблемые основания справедливого отправления правосудия и взимания ... налогов и обращено особое внимание на развитие в ханстве промышленности и торговли... Чиновничеству и всем служащим лицам, над которыми будет установлен контроль, будет определено содержание с воспрещением каких-либо вознаграждений за служебные действия...

В заботах о здравии, о благоденствии подданных Наших, проживающих в столице Нашей, решили Мы предоставить населению избрать совет достойных уважаемых народом людей, каковые и озаботятся оздоровлением и благоустройством столицы Нашего ханства.

Считаем также отныне необходимым учредить государственное казначейство и установить бюджет Нашего ханства с точным исчислением приходов и расходов на государственные надобности»¹⁷.

Современному читателю трудно понять, отчего столь скромные обещания вызвали такое потрясение в бухарском обществе, бурное ликование одних и яростное возмущение других. Понять, в чем тут дело, можно лишь, если разобраться в особенностях юридического права и законодательной власти в мусульманском обществе и представить, насколько чуждыми и неприемлемыми для правоверных мусульман Бухары были европейские представления о справедливом устройстве общества, о демократии, гражданских правах. То, что нам представляется единственно возможными основами человеческого общества, они расценивали как противоестественные и возмутительные затеи, посягательство на истинный закон.

Мусульманское право рассматривает закон как непосредственно данный Богом, неизменный, совершенный и, следовательно, учитывающий все необходимые интересы людей. Законодательная власть в исламе принадлежит Корану. Государство в принципе не может брать на себя фундаментальные нормотворческие функции. Разумеется, в истории мусульманских народов есть немало примеров «мирского законодательства». Правители на Востоке, как и в других частях света, не раз издавали указы, но мусульманское правоповедение всегда рассматривало эти указы как административные предписания и никогда не признавало за ними законодательной силы¹⁸.

Полагаю, что точно так же расценивали манифест эмира Алим-хана бухарское высшее духовенство и простые верующие, и привычка покоряться правителям боролась в их душах с возмущением. Ничего хорошего от манифеста они не ждали.

Иное дело джаиды. Манифест они встретили с восторгом. Наконец-то начинается

новая жизнь! Сторонники решительных действий загорелись идеей отметить выход манифеста шествием по городу с красными флагами в знак благодарности эмиру.

Не только о флагах, но и о самой манифестации даже речи не может быть, пытались образумить их «умеренные». Я думаю, что в Бухаре не было человека, который не знал бы наверняка, чем обернется шествие по городу. Совсем недавно, в 1910 году шиитское шествие по Бухаре вызвало кровавую резню. Более того, один из друзей Садриддина Айни, осведомленный о настроениях духовенства и студентов медресе, прямо предупреждал:

— Если молодежь поднимет свой флаг, наша кровь до последней капли прольется против этого знамени...

Да и сам Файзулла Ходжаев признается в воспоминаниях:

«Многие эсеры и эсдеки (Новгородский и пр.) считали манифестацию преждевременной, ошибочной и указывали на то, что манифестация при специфических бухарских условиях является п р о в о к а ц и е й (разрядка моя. — В. М.) и усиливает реакцию»¹⁹.

После долгих споров, так и не придя ни к какому согласию, решили обратиться за советом к человеку уважаемому и влиятельному, отлично понимающему обстановку — к российскому резиденту. Возглавил делегацию Файзулла Ходжаев, сторонник крайних мер. Миллер кратко ответил делегатам, что он не советует манифестировать... Рассказывая об этом, Ходжаев тут же добавляет с какой-то головоломной, извращенной логикой: «Но этот ответ Миллера, конечно, вопроса не разрешил, так как меньшинство и раньше было уверено, что другого ответа не будет. Поэтому вопрос оставался спорным».

На самом деле Файзулла Ходжаев все уже решил. Сейчас он сделал первый шаг навстречу судьбе. Сейчас этот невысокий, ладный, напряженно прямой молодой человек с миловидным лицом и поразительно спокойными глазами, сын покойного купца-миллионера Убайдулла-ходжи, которого отец семь лет обучал в Москве европейским наукам у частных русских учителей, этот эlegantный джентльмен и вместе с тем лукавый бухарский торговец, не колеблясь, подтолкнет события к необратимой развязке.

«Мне не стоило большого труда, — заканчивает Ходжаев рассказ о визите к Миллеру, — уговорить товарищей известить по районам членов организации о месте сбора и порядке шествия».

На следующий день в 8 часов утра к книжному магазину, на обычное место сбора джадидских активистов, явилось сотни полторы возбужденных молодых людей. Старшие и разумные пытались уговорить их разойтись по домам. Но лавина уже тронулась, и словами ее не остановить. И все же кто-то надеялся на уже невозможное.

Как признается Ходжаев, старейшие джадидские лидеры Фазмитдин Максум и Абдувахид Бурханов, большие противники манифестации, «под клятвой спросили меня, правда ли, что Миллер согласился на манифестацию». Я дал уклончивый ответ. Они оставили меня в покое.

Тем временем все прибывающие и прибывающие члены организации стали требовать начать шествие. Главариам ничего не оставалось делать, как согласиться»²⁰.

Фазмитдин и Абдувахид призывали друзей идти без флага. Но их не слушали. Айни рассказывает: «Когда авангард колонны достиг караван-сарая ногайцев, оттуда вышли кавказцы с красным флагом. В это же время со стороны Токи Сарофон показались группы еврейской молодежи опять же с флагом. Тут уж наиболее ретивые вытащили из магазина заранее приготовленное красное знамя с надписью «Да здравствует эмир Алимхан! Да здравствуют реформы!» и подняли его... К шествию присоединились тысячи людей»²¹.

Попытаемся представить, какое впечатление произвело на большинство бухарцев шествие еврейской и лезгинской молодежи.

В городе издавна проживало немало пришлого населения. В 1745 году с войсками Надиришаха в Бухару пришло большое число лезгин, турков-османов, иранцев и афганцев, оставшихся здесь жить. Были в Бухаре и кварталы, населенные арабами, цыганами, евреями, персами... Все иноземцы — не мусульмане, принадлежавшие к числу постоянных жителей Бухары, вроде евреев и индусов, причислялись к так называемым з и м м и я м. По существующим в эмирате обычаям им разрешалось исповедовать свою религию, владеть имуществом, совершать между собой сделки, регулируемые их собственными порядками. Но в делах уголовных и в сделках с мусульманами они подчинялись законам ислама. При появлении на улицах зимнии могли носить лишь темное и не

новое платье с желтой заплатой, подпоясанное грубой веревкой. Они не имели права публично совершать действий, оскорблявших чувства мусульман: пить вино, громогласно читать Библию и т. п.²²

К примеру, поводом (хот и не единственной причиной) резни между бухарцами-суннитами и персами-шиитами в 1910 году, о которой я упомянул выше, стало ритуальное шествие шиитов в честь праздника ашура по центральным улицам, воспринятое суннитами как оскорбление их религиозных чувств и прямой вызов, поскольку прежде вся церемония проводилась исключительно в пределах кварталов, населенных шиитами (на западной окраине Бухары, близ городской стены).

Как оскорбление было принято и шествие зиммиев с красным знаменем. Для консерваторов оно стало подтверждением самых худших их опасений: не успели огласить манифест, как тут же были попораны самые основы правопорядка — из всех закоулов Священной Бухары полезли инородцы и иноверцы.

Садриддин Айни описывает: «В субботу утром в 8 часов 30 минут предводители реакции... повесив на шею свои поясные платки, принялись вопить: «О, шарият! О, религия! О, Коран! Эй, мусульмане, религия пропадает, шарият гибнет, отныне откроют лицо женщинам, станут покушаться на честь ваших дочерей, дети будут учиться в школах кафиров... Правовверные, встаньте на защиту веры, религии, шарията, будьте готовы к газавату!...»²³

Колонны демонстрантов, шедших с красными флагами, были разогнаны многотысячной толпой, состоящей в основном из студентов медресе. Беспорядки и волнения в городе продолжались до самого вечера. Группы молодых людей останавливали заподозренных в джадидизме или участии в манифестации и избивали их. На глазах кушбеги был избит раис Абдусамадходжа. В эту же ночь, как сообщает Айни, представители реакции подготовили документ, под которым собрали печати муфтиев* Бухары. Содержание было следующее: «Люди, поднявшие знамя и потребовавшие реформ, пошли против воли его величества эмира и потому являются грешниками и мятежниками. Пролить их кровь — богоугодное дело, а их имущество является доступным для всех»²⁴.

Сам Айни, будучи активным противником манифестации, участия в ней не принимал, но был схвачен и наказан семидесятью пятью ударами палкой по спине и выжил лишь чудом.

Еще несколько человек получили, как и Айни, по 75 палочных ударов. Умер один, приговоренный к 150 ударам²⁵.

Файзулла Ходжаев сразу же после разгона демонстрации уехал в Новую Бухару.

Нетерпение

В русском поселении Новая Бухара, в двенадцати верстах от бушующей, разъяренной столицы, лидеры джадидов были в полной безопасности.

Волнения в Бухаре не утихали и на следующий день после манифестации. В город продолжали прибывать крестьяне из окрестных сел. вооруженные кремневыми ружьями, заржавленными дедовскими клинками, палками... Резидент Миллер для защиты российских подданных по соглашению с исполнительным комитетом Новой Бухары в придачу к казацкой сотне, охранявшей резидентство, вызывал из Самарканда пехотную роту с пулеметом. Как сообщил он в Петроград, «прибытие роты внесло успокоение...». В Бухаре восстановилась нормальная жизнь. Открылись базары и купеческие лавки.

Младобухарцы же, напротив, приходили все в большее и большее волнение. Миллер информировал центр в очередной секретной телеграмме: «...нервность младобухарцев усиливается распространяемыми здесь провокационными слухами, а также влияниями русских мусульман, самаркандских и ново-бухарских, считающих настоящим необходимым предъявление ряда самых категорических требований бухарскому прави-

* М у ф т и — (буквально «дающие фетву», то есть особое заключение) знатоки шарията, разъясняющие основные положения шарията и на его основе принимающие решения по спорным вопросам или же в случае возникновения сложных ситуаций, не предусмотренных божественным законом.

тельству, в уверенности, что невозможность для последнего выполнить таковые приведет к желательному для них нашему вооруженному вмешательству в дела Бухары (разрядка моя. — В. М.)»²⁶.

Я думаю, что надежда на вооруженную помощь и была одной из тех причин, по которым младобухарцы решились на проведение манифестации. Во всяком случае, при обсуждении минувших событий член Самаркандского исполнительного комитета Исахаров признался, что «манифестация 8 апреля, вызвавшая столь большое возбуждение всего населения, была устроена по его инициативе и при его воздействии».

Отсидевшись немного в Новой Бухаре, младобухарцы решили окончательно объясниться с эмиром. Они не теряли надежды на успех, ибо полагали, что за их плечами не только Временное правительство России, но и пулеметы прибывших из Самарканда революционных рот. Рано утром 14 апреля руководители джадидской организации сели на поезд и открыто прибыли в Бухару. Они были уверены, что поездка не окажется для них слишком опасной. Так оно и вышло. Вести переговоры с ними эмир не стал, но и не решился выдать их многотысячной толпе, собравшейся у дворца и требовавшей немедленной казни вероотступников. На все призывы и приказы властей разойтись, толпа отвечала бранью и криками: «Не разойдемся, умрем за шариат, казним вероотступников-джадидов!..» Лишь поздно ночью удалось вывезти младобухарскую делегацию из Арка, эмирского дворца, и доставить обратно в Новую Бухару.

Предприятие не удалось. Воинских сил хватило лишь для охраны десятка бухарских прогрессистов, но было слишком мало, чтобы насильно толкнуть Бухару к прогрессу. Джадиды, видимо, рассчитывали, что добьются все же каких-то уступок, пугая эмира самаркандскими солдатами и далеким, но могучим российским правительством. Но они только подлили масла в огонь.

Алим-хан не был так всемогущ, как им казалось. Даже захоти он угодить Временному правительству, на его пути встали бы улемы Бухары, которых манифестация джадидов привела в ярость. Поднять восстание в столице для них не составляло никакого труда.

Не только в Бухаре, но и во всем мусульманском мире остро стоит проблема взаимоотношений власти светской и духовной. Как считает Густав фон Грюнебаум, противоречие между теократией и государственной властью присуще исламу изначально²⁷. В разные столетия, не единожды и не в одной стране мусульманские законоучители низводили с престола правителей, чьи действия противоречили, по их мнению, основам шариата. Помнил и эмир бухарский, Алим-хан, что отец его — эмир Абдулахад, — лет за пятнадцать до конца жизни поссорившись со священнослужителями, навсегда покинул столицу и не приехал в Бухару даже в 1910 году, чтобы остановить резню между своими подданными, а послал вместо себя Алим-хана, в ту пору наследника престола.

Слов нет, светская власть эмира была безграничной. Но безграничной была и власть духовенства над умами и душами правоверных. Хотя верховным священнослужителем — кази калоном — в те дни был недавно назначенный просвещенный и либеральный Шарифджан-махдум, но и он с немногочисленными своими единомышленниками был не в силах противостоять улемам Бухары. К тому же улемы располагали многотысячной армией студентов медресе — взрывчатой смесью готовой вспыхнуть в любую минуту, как вспыхивает студенчество всех времен и народов, независимо от того, кто раздувает пламя — Сартр или садр*.

Ссориться с духовенством в столь сложной обстановке было бы попросту глупо. 14 апреля эмир отменил манифест, который так и не вступил в действие. Таков был итог действий джадидов.

И они «осознали» урок. Они перестроились. Как пишет Файзулла Ходжаев, в Новой Бухаре «общее собрание наличных членов организации составило новый центр, который и покончил окончательно со многим из наследства джадидизма, в том числе с его тактикой узкого культурничества и шатания в политике»²⁸.

Рождалась новая партия — младобухарская революционная организация. Отошли в сторону не только поэты и просветители, вроде Айни, но и часть богачей, как отошел Мухиддин Мансуров. Остались те, кого сегодня назвали бы экстремистами. Те, кто

* Духовное лицо, ведущее учет и проверку вакуфов, т. е. имущества, переданного владельцем на религиозные или благотворительные нужды общине, государству или частному лицу. Однако к началу XX века звание «садр» превратилось в почетное, и с ним не было связано никаких служебных обязанностей.

желал власти и перемен во что бы то ни стало. Любой ценой. Они поняли, что грозная тень Временного правительства им не подмога. Нужны пушки и штыки. А главное — бойцы. Ни того, ни другого, ни третьего у них не было. Апрельские события ясно показали, что против них не только духовенство, но и бухарские простолюдины. Им оставалось лишь ждать помощи какой-нибудь внешней силы.

Новая Бухара стала для бывших джадидов школой революционного ликбеза и курсами по ускоренной политической подготовке. Здесь блистал целый спектр революционных партий от социал-революционеров до социал-демократов. Могу представить, как жадно впитывали младобухарцы ходячие революционные идеи и понятия, осваивали политическую фразеологию, перенимали методы внутрипартийной и межпартийной борьбы... Были в Новой Бухаре и большевики. Всего три человека. Товарищи Преображенский, Уткин и Полторацкий. Они-то и сыграли особую роль в будущих событиях.

Тем временем неподалеку, в Туркестане, созрела долгожданная сила. В начале ноября 1917 года в Ташкенте была установлена Советская власть. И тут же, в декабре в Туркестанский Совнарком прибыла младобухарская делегация и предложила председателю СНК Федору Колесову поддержать «бухарскую революцию». По всей видимости, «делегация» состояла из двух человек — Ходжаева и рабочего-коммуниста Преображенского, который и организовал встречу с Колесовым. Как же принял их председатель СНК? С одной стороны, предложение пришлось некстати. Совет народных комиссаров Туркестана только что признал независимость Бухарского ханства. А с другой стороны... Взгляните на ситуацию глазами коммуниста Федора Колесова: из Бухарского ханства, оплота реакции и предполагаемого источника военной угрозы, приезжает товарищ по партии, коммунист Преображенский и горячо рекомендует бухарских товарищей, представителей угнетенного бухарского края. Народ готов к выступлению. По сигналу бухарских товарищей соберется тридцать тысяч дехкан и городских пролетариев — в этом Ходжаев клятвенно заверил Колесова. Нужна лишь помощь оружием и военным руководством. И главное, то впечатление, которое произвел Файзулла Ходжаев. Сдержанный, немногословный, спокойный. Скупая улыбка. Отличная русская речь. Европейский костюм и непокрытая голова. Безукоризненный партийный стиль в поведении и осанке, безукоризненная большевистская терминология (общение с коммунистами Новой Бухары не прошло даром). Все это, несомненно, внушало бессознательное доверие и полностью соответствовало простому и четкому миропониманию Федора Колесова, убежденного, что порядок в мире можно наладить только при помощи «винтовочки в руках пролетариата».

Колесов бывал на специально для него созванном пленуме ЦК младобухарской партии и, как он сам пишет, «покинул его с крепкой уверенностью в победе». Оружие и поддержку он обещал, но не сейчас, а немного позже. Нынче ему было не до Алим-хана, угрожавшего Советам лишь гипотетически. Нынче Ташкенту реально грозила Кокандская автономия. Управимся с ней, а там возьмемся и за Бухару...

Младобухарцы блефовали сознательно. Никто из них не рассчитывал всерьез на тридцать тысяч мифических повстанцев. Они лучше, чем кто-либо, осознавали, что бухарское крестьянство, по словам Ф. Ходжаева, «под влиянием недавних событий стало еще более, чем даже раньше, глухим к джадидской пропаганде»²⁹. Хваленые младобухарские две-три ячейки — около сотни человек — среди эмирских войск, ячейки среди возчиков и кустарей Старой Бухары, большая тайная организация среди персов, в которой состояло до 150 тысяч кустарей, крестьян и прочих — могут произвести впечатление на того, кто не представляет себе структуру бухарского общества.

Было оно сложной, но плотно и прочно сбитой конструкцией, разделенной на несколько уровней со строгой иерархией. Здесь не оставалось ни единого человека, который существовал бы сам по себе — вне клана, сословия, религиозной общины или родового союза. Всех подданных бухарского эмирата, за исключением иноверцев, объединял ислам. Все они были членами у м м ы — мусульманской общины. (Вплоть до конца XIX века мусульмане различных государств не только духовно, но и юридически считались членами одной мусульманской общины. Что же говорить о гражданах одного государства или жителей одного города!..)

Еще теснее, чем в церковной общине, население Бухары сплавивалось в дервишских корпорациях, суфийских орденах, которыми руководили так называемые пиры, или ишаны. Каждого из дервишских «старцев» окружало огромное количество последователей, принадлежавших ко всем сословиям. Суфийские ордена были огромной обще-

ственной силой. Как пишет А. А. Семенов, авторитет руководителей общин среди народа был весьма велик, и в день дервишских радений в доме ишана собирались все многочисленные его ученики. Они принадлежали к самым разным слоям населения: рядом с важным купцом находился какой-нибудь смиренный и плохо одетый ремесленник, с человеком, имеющим высокий придворный чин, сидел оборванный чернорабочий. Для всех них в дни радений ишан устраивал угощение, и все они участвовали в общем з и к р е — дервишском кружении под пение или декламацию мистических стихов...³⁰ Все это, как и доступность ишанов, их обходительность, помощь в нужде, влекли к этим «старцам» народные сердца...

Сплоченными были и ремесленные цехи, или корпорации. Официально в Бухаре насчитывалось тридцать два цеха, хотя в действительности их было больше. Они представляли собой разные братства, в организации которых было очень много общего с дервишскими орденами. Дисциплина в них поддерживалась очень строго, и самым страшным наказанием для нарушителей установленных правил было изгнание из корпорации.

Тесно объединялось и население городских кварталов, образовывавшее своеобразные соседские общины. Не менее важными были для бухарцев и родственные связи, которые, разветвляясь и перекрещиваясь, словно бы вплетали отдельную личность в сложный узор общественных отношений.

Это не означает, что в Бухаре царила идиллия. Выше я описывал произвол чиновников и бедствия простолюдинов... Враждовали между собой различные племена, группировки, роды, кланы и партии. Но все эти сложные и противоречивые отношения вписывались в общие рамки, соперничество шло внутри системы, и никто не помышлял о том, чтобы выйти за ее пределы. Бухарское общество было плотным монолитом, который можно было взорвать разом (что и сделали впоследствии младобухарцы), но отделить от него хотя бы крупинку было неимоверно трудно.

Пропаганда младобухарцев могла отзываться только среди изгоев у м м ы, среди национальных меньшинств Бухары, отверженных в силу своего иноземного происхождения или вероисповедания. Евреи, индусы, армяне, цыгане в свою очередь образовывали тесные замкнутые сообщества. Так что, в немалой мере, быть, скажем, персом в Бухаре — уже само по себе означало почти то же самое, что состоять в «тайной организации». Под персами разумелись: персы в собственном смысле слова, иранские тюрки-шииты и курды — все они жили очень замкнуто, находясь в сложных отношениях с «коренным», суннитским, населением Бухары... Не исключено, что кто-то из них и входил в так называемую «партийную дружину», ибо младобухарцы не лгали на этот раз, утверждая, что у них таковая имеется. Это был отряд из двухсот человек, состоящий из татарской и лезгинской молодежи, о чем можно судить по замечанию Ф. Ходжаева, сделанному при описании обрушившихся на участников «колесовского похода» репрессий: «Особенно пострадали татары и лезгины... на которых ввиду их непосредственного участия в событиях точило зубы эмирское правительство»³¹.

На что же надеялись бухарские товарищи? Думаю, на то, что Колесов приведет с собой большое войско. А если сил будет маловато, надо начинать войну на авось. Смелость города берет. Тем более, что мало кто из них намеревался лично идти в бой. Ими уже овладевало чувство, которое так часто упоминают сегодня наши современники, говоря о революционерах и революционных событиях. Это — нетерпение, страсть, сжигающая пламенных революционеров, но в огне которой гибнут сотни, тысячи, миллионы чужих жизней... Но что за дело до чьих-то судеб, коли проходишь твою собственную жизнь, а ты жаждешь исполнения желаний уже сегодня, уже сейчас... «В случае отказа от выступления, — признается Ходжаев, — рисовались долгие годы медленной подготовки общественного мнения, накопления сил, — все это в невыносимых условиях эмирского гнета и все усиливающихся репрессий»³².

Формула вторжения

Обстоятельства «колесовского похода» главные его герои — Федор Колесов и Файзулла Ходжаев — описывают очень туманно, не называя дат, подменяя хронику отдельными яркими эпизодами. Однако по их оговоркам и недомолвкам можно восстановить основные моменты происшедшего.

Колесов появился внезапно. По-видимому, младобухарцы скрыли от него истинное

положение дел. Был разработан план восстания. Срок назначен на первые числа марта. Бухарские повстанцы должны начать военные действия ночью внутри крепостных стен городов Бухара и Керки одновременно. Их выступление послужит сигналом для отрядов Колесова, которые поддержат их снаружи артиллерией и штурмом укреплений.

Колесов отбыл в Ташкент и через несколько дней был вновь в Новой Бухаре «с эшелонами, при орудиях и пулеметах». Мне не ведомо, признались ли младобухарцы в обмане. Колесов привез очень мало оружия, и это дало возможность Файзулле Ходжаеву заявить, а потом и написать в своих воспоминаниях следующее:

«...о выступлении ночью в Бухаре и Керках, как и вообще о выполнении плана, конечно, нечего было и думать. Все, что мог сделать ЦК, это организовать дружину из 200—300 человек, вооружив исключительно членов партии и вызвав их для этого в Новую Бухару»³³. Как бы то ни было, мифическое восстание изнутри на ходу сменили реальным давлением на эмира извне. Тут же, видимо, набросали ультиматум эмиру: распустить правительство и назначить на его место исполнительный комитет младобухарцев, в руках которых будет находиться вся власть. Он же и назначит новое правительство (по соглашению, правда, с эмиром).

Коротко и ясно.

И приписка: «Если не желаете кровопролития, тогда, конечно, примете эти требования. Если не примете, то за пролитую кровь ответственны будете Вы»

Между собой они договорились: если эмир не примет ультиматум, то отряд младобухарцев (та самая «партийная дружина») начнет наступление на Бухару, его поддержат бойцы Колесова, и это послужит «сигналом для восстания изнутри»

Тем временем вооружались и рабочие Новой Бухары, которые решили принять участие в «освобождении угнетенного народа». Весть о воинском эшелоне на станции, о военных приготовлениях мгновенно распространилась по окрестностям и вызвала взрыв возмущения в столице и пригородных селах. Все проклинали предателей-младобухарцев, призвавших неверных на родную землю...

Эмир ответил на ультиматум. Он писал в обычной своей уклончивой манере, что лично не возражает против изложенных требований, но народ по своей темноте и невежеству будет противиться. А посему он просил не настаивать на резких переменах, а вводить новшества постепенно.

«Мы обсудили ответ — вспоминает Колесов, — очевидно, что эмир отклоняет все наши требования. Решаем действовать с оружием в руках... Отдается приказ всем отрядам наступать на Бухару... Как только началось движение отрядов, он (эмир) прислал гонцов с письмом. Он согласился назначить при себе исполнительный комитет из младобухарцев, но все остальные требования обещал выполнить постепенно, по мере возможности»³⁴.

Младобухарцы, однако, усмотрели, что письмо не подписано. Это эмир хитрит тянет время... Пушки ударили по городу, и отряды двинулись вперед.

Бухара вставала перед ними, как ожившее видение из прошлого. По всей окружности город был обнесен увенчанной зубцами глинобитной стеной, возвышавшейся почти на десять метров. Толщина стены у основания — около шести метров, а общая ее протяженность — двенадцать километров. Одиннадцать деревянных ворот, окованных железом, закрывались каждый вечер на огромные замки, и ключи торжественно относились в эмирский дворец..

Наступать было нелегко. Пересеченная местность простиралась до самой стены: пригородные селения сады и поля, изрезанные арыками.. Войско эмира вышло навстречу. Колесов рассказывает, что видел в бинокль в рядах противника турецкие фески и русские офицерские погоны. Сражение шло с переменным успехом.

Избранный заранее «бухарский ревком» (Файзулла Ходжаев, Атта Ходжа, Фитрат, Бурханов, Агдаров, Пулатов и Физмитдин Максум) участия в сражении не принимал. Он расположился в стоявшем неподалеку поезде. Чем они заняты в это страшное и столь ответственное для их дела время? Как сообщает Колесов, «налаживалась связь с местами, давались приказы о восстании. Восставшие должны поддержать нас изнутри».

То ли он просто притворяется перед читателем, что не знает, что никаких восставших в городе нет и не может быть, то ли и впрямь верил до конца, что кто-то восстанет там, за стеной.

И тут произошло неожиданное. Люди за стеной поднялись. Колесов рассказывает: «Из трех ворот в стене, как из разорванной плотины, с диким ревом вырвались

людские потоки. Потокам, кажется, нет конца. Впереди муллы с седыми бородами. Они кричат, указывая на нас. Развеваются зеленые знамена с ярким полумесяцем.

— Ай, яй-яй-яй!.. Алла! Алла! Алла! — несется оттуда.

— Смерть гяурам!.. Смерть урусам!..

— Газават! Газават!..

— Во имя пророка Магомета!»³⁵

Но шли они не на подмогу революционным войскам, повинувшись «приказу о восстании». Простой люд Бухары шел на защиту родного города.

«Стрельба стихла. Ошарашенные стрелки и пулеметчики изумленно глядели на ревущие людские толпы...»³⁶

Но не мужество защитников Бухары поразительно, а то, как описывает его позже Файзулла Ходжаев: «Население Бухары — реакционеры — истолковали это вооруженное выступление не как внутреннее восстание, а как вторжение иноземцев в «Святую Бухару»³⁷, — пишет он без тени иронии, словно не понимая, словно не чувствуя, как нелепы его слова. Он срама не имеет, вспоминая о том, что сотворил. Это особый тип психики, обладатель которой не способен взглянуть на себя со стороны. (К этому же типу принадлежал, по-видимому, и Ленин.)

Те, кто собирались даровать жителям Бухары «свободу», дали им вместо того лишь право стать ш а х и д а м и, святыми мучениками за веру.

«Людские волны неудержимо катились, — продолжает Колесов, — бухарцы кричали и размахивали оружием. На пулеметы лезли с кинжалами в зубах разъяренные бородатые фигуры — лезли и падали. Перед пулеметом вырастала грудa живых и мертвых тел. Пулеметчики колебались, ослабляли огонь. Секунда — и все будет сметено этой лавиной. Мы бросились к пулеметчикам и заставили стрелять».

По-иному описывает эти события Юсуф Ибрагимов, в апреле 1918 года назначенный членом Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоенне и направленный в Туркестан. С обстоятельствами похода на Бухару познакомился по горячим следам и в апреле 1919 года рассказал о них в еженедельнике «Жизнь национальностей» № 13 (21):

Приехав в Новую Бухару, «тов. Колесов потребовал к себе эмира на ст. Каган (12 верст от Старой Бухары). Эмир отказался приехать, мотивируя это тем, что у него есть ответственные министры, с которыми тов. Колесов может вести переговоры, и послал Куш Беги (председатель министров) и Казия (высшее духовное лицо).

Делегация эмира к Колесову объяснила, что эмир не может приехать вследствие болезни и праздника обрезания своего сына, а также по условиям шариата, на что Колесов неодобрительно высказался по адресу шариата. Казия составил свое определенное мнение о происходящем и заключил, что эмир имеет связь с большевиками, которые, по его мнению, уничтожили у себя государственную власть и основы веры и хотят ввести в Бухаре такие же новшества, и приехав обратно в Ст. Бухару, не посетив эмира, созвал духовенство всего города и сделал приказ всем кишлачным жителям, окружающим Бухару, собраться ко дворцу эмира.

На другой день в городе собралась сотысячная толпа, вооруженная, чем попало (кетменями, лопатами, топорами, косами, ржавыми шашками и т. п.). Настроение толпы было возбужденное, во главе стояло духовенство, возбуждая в толпе фанатизм. Картина была ужасная. Эмир, учитывая положение, всячески старался препятствовать открытому выступлению против Кагана и Советской власти. Разъяренная толпа требовала открытия военных действий, чему способствовало духовенство. Не имея никаких сведений о том, что творится в Старой Бухаре, со стороны Советских войск была выслана разведка для выяснения положения, которая была обстреляна провокаторскими выстрелами, и с этого момента начался бой.

Толпа, жаждавшая крови, бросилась стихийно на виновников, по их мнению Младобухарцев. Были вырезаны не только Младобухарцы, но и их семейства, также пострадало русское население, жившее в Старой Бухаре и не успевшее выехать.

Находившиеся на ст. в Старой Бухаре больные, вывезенные из больниц Ст. Бухары, предназначенные для эвакуации, были растерзаны самым хищническим образом, число которых было 80 человек.

Жестоко расправившись в Ст. Бухаре со Всеми Младобухарцами и русским населением, толпа ринулась на Ст. Каган, где была встречена пулеметным, ружейным и орудийным огнем Советских войск и, не выдержав огня, отступила обратно».

Потрясенный бойней, эмир прислал делегацию высших сановников с подписанным манифестом и с изъятием согласия на все условия младобухарцев, в том числе и на полное разоружение эмирской армии. После долгих споров — добывать врага или принять его капитуляцию — решили поверить эмиру и послали в Бухару делегацию, чтобы проследить за ходом разоружения. Ни один из младобухарцев в столицу не поехал. Все члены делегации были убиты, лишь одному удалось выбраться и полуживому добраться до своих. Но боеприпасы у Колесова были на исходе и, выпустив по Бухаре несколько снарядов, из которых ни один не попал в город, красноармейцы вынуждены были отступить к Новой Бухаре.

Они оказались в ловушке. За время перемирия местное население успело разобрать железную дорогу на протяжении более ста верст. Толпы людей с верблюдами подцепляли крюками развешенные на секции участки пути и оттаскивали рельсы вместе со шпалами далеко в лес. Были разрушены пути на Чарджоу и Мерв, на Самарканд и Карши. Повалены телефонные столбы, порваны провода. И отступление, и подвоз боеприпасов оказались невозможными.

Оставался лишь один выход. Проехав небольшой участок, разбирать путь, оставшийся позади, и укладывать впереди, чтобы, миновав и этот отрезок, вновь укладывать рельсы перед собой.

В Новой Бухаре началась паника. Все знали, что произойдет, когда колесовские эшелоны покинут город. В путь вместе с Колесовым собралась половина населения Новой Бухары. Российское резидентство, учреждения и конторы, железнодорожные мастерские, банк, старики, женщины, дети... Всего беглецов набралось до восьми тысяч. Этот пестрый, бесконечный караван медленно полз по пустыне, отстреливаясь от бухарских мстителей, беспрерывно атакующих эшелоны. В одном из вагонов ехали младобухарцы.

Надежды на спасение не было почти никакой.

Впрочем, была. Несколько раз эмирские отряды присылали парламентаров: «Выдайте нам младобухарцев, или хотя бы трех — Ходжаева, Фитрата и Бурханова — мы обещаем вам безопасность». Но Федор Колесов предпочитал гибель предательству. Он отстаивал бухарских товарищей с опасностью для своей собственной жизни.

Немалую часть отступавших составлял полупреступный, анархический сброд, вооруженный и готовый на все, чтобы выжить. Несколько раз вся эта ватага сговаривалась спасаться пешим ходом, взяв пищу и воду, бросив поезд с женщинами и детьми. Останавливали их лишь доводы Колесова, что пешком через пустыню не пробиться.

А тут они узнали (скрыть не удалось), что за младобухарцев обещают жизнь. Что тут началось! Но железная воля Колесова и каменная стойкость нескольких революционных солдат, вставших на страже у заветного вагона, одержали верх. Младобухарцев отстояли.

За трое суток поезд дополз до Кызыл-Теппе. Здесь Колесов послал к эмиру для переговоров парламентариев из числа отступавших вместе с ним бывших чиновников царского правительства Введенского, Хайдар-Ходжи, Мирбадалова. Пока шли переговоры, подоспела военная помощь, посланная из Ташкента.

Вскоре был заключен так называемый «Кызылтеппинский договор»

По условиям мира обе стороны были обязаны соблюдать заключенный между Россией и Бухарой договор 1868 года и обмениваться пленными. Эмир обязывался признать Советскую власть в русских поселениях эмирата, восстановить разрушенные железные дороги (это впоследствии стало поводом для немалых взаимных претензий, поскольку восстановить дорогу у Бухарского ханства не хватало сил), выдать находившихся в эмирате белогвардейцев, не увеличивать свои войска сверх двенадцати тысяч человек и отправить в распоряжение Совнаркома Туркестана сто вагонов пшеницы. Эмир не имел права препятствовать прохождению Советских войск по железной дороге через территорию эмирата.

Взаимоотношения между Туркестаном и Бухарским ханством постепенно начали улучшаться. В октябре 1918 года было достигнуто соглашение о покупке через местных торговых агентов бухарского хлопка на средства, отпущенные ВСНХ РСФСР...

Но страшных людских трагедий не загладили никакими соглашениями. Были вырезаны все русские поселки вдоль железной дороги. А. Гудович, начальник группы, посланной из Ташкента на выручку Колесова, рассказывает о том, что видел в пути:

«В Катта-Кургане мы сделали первую остановку. Дальше начиналась территория

Бухары... Железнодорожные постройки, станции, будки — все было сожжено и изуродовано. Спиленные телеграфные столбы повисли на проводах. Кучи обугленных шпал.

Изуродованные трупы рабочих и служащих железной дороги, иссеченные ножами и шашками, валялись вдоль пути.

Вырезанные языки, обрезанные уши и носы, выколотые глаза. На телеграфных столбах раскачивались тела замученных людей. Тучи птиц вились над ними, лениво отлетая при нашем приближении...»³⁸

Точное число жертв установить невозможно. Оценки колеблются от полутора до пяти тысяч человек. Убивали всех иноверцев без разбора. Даже тех, кто десятки, а то и сотни лет жил в Бухаре. Убивали и мусульман, заподозренных в отступничестве. Убивали тех, кто читал газеты. Убивали тех, кто получил европейское образование. Шпионство и наветы стали повсеместными.

Бухара была отброшена на десятки лет назад. Ни о каком общественном развитии и речи быть не могло. Да и что должны были думать о демократии, о прогрессе, о социальных свободах жители Бухарского эмирата, которые воочию увидели, что несут народу все эти новшества.

Что стояли все лозунги и слова перед бессмысленно пролитой кровью!

Младобухарцы на чужбине

Психология «настоящих революционеров» — фантастический феномен, ждущий еще своего изучения и объяснения. Возможно, все они относятся к типу фанатика, описанного Ганнушкиным в «Малой психиатрии». Возможно, существуют разные психологические или психопатические типы. Было бы не просто любопытно, но и крайне необходимо узнать, что движет ими, какие действительные мотивы скрываются за революционными лозунгами и провозглашаемыми ими общественными целями. Я очень хотел бы понять, как устроены их души.

Залив кровью Бухарское ханство, оставшись в живых лишь благодаря чувству долга Федора Колесова и стойкости нескольких революционных солдат, лидеры младобухарцев, едва добравшись до Ташкента, явились в редакцию газеты «Новый Туркестан», чтобы пожаловаться на то, что власти Туркестана оттирают их, не допуская до переговоров с эмиром. Газетная заметка стала прелюдией к политической возне, начавшейся в Ташкенте после «колесовского похода».

Далеко не все младобухарцы были «настоящими революционерами». Многие пришли в ужас и отчаяние от содеянного лидерами организации. В партии начались жестокие раздоры и разногласия, и большинство обвиняло ЦК в происшедшей трагедии.

Дороги назад, на родину, не было никому. Но судьба бухарских вольнодумцев, оставшихся в живых и добравшихся до Ташкента или Самарканда, сложилась по-разному. Одни бедствовали, другие нашли неплохую службу в редакциях или даже иностранных посольствах. «Несколько товарищей, — констатирует Файзулла Ходжаев в своих воспоминаниях, — не приспособленных к физическому труду (полевые работы или служба в армии), как-то Мулла Рафаги, Мулла Максум — погибли от голодной смерти»³⁹.

Непонятно, как они могли погибнуть в окружении товарищей, ведь в эмиграции находилось около двухсот младобухарцев. Ответ напрашивается сам собой: к тому времени, как я думаю, они не были уже товарищами, поскольку дружба революционеров основана не на человеческой близости, а на политической общности. Организация развалилась. Одни стали просто беспомощными людьми, попавшими в непривычные условия, к которым так и не смогли приспособиться. Другие, «настоящие революционеры», укрепившиеся в своем экстремизме, не хотели простить им отхода от борьбы и порвали с ними всякие отношения. Файзулла Ходжаев к этому времени ушел от всякой работы в Ташкентском центре и уехал в Москву.

Оставшиеся в Ташкенте младобухарцы принялись действовать по раз и навсегда избранной тактике. Она состояла в том, чтобы найти наиболее влиятельную силу, примкнуть к ней и использовать ее мощь в своих собственных интересах. Такой силой была в то время в Ташкенте партия эсеров.

Группа младобухарцев во главе с Усманходжей Пулатходжаевым приняла программу левых эсеров и организовала партию младобухарцев социал-революционеров. Оказалось, что выбор не слишком удачен. Очень скоро над эсерами одержали верх большевики. Как известно, в июле 1918 года в Москве была разгромлена организация эсеров.

Эсеры были изгнаны из органов власти и фактически оказались вне закона. Действия младобухарцев предсказать нетрудно. Спустя пару месяцев они заявляют: «Мы, нижеподписавшиеся, бывшие члены партии левых социал-революционеров младобухарцев выходим из этой партии и принимаем программу партии коммунистов-большевиков...»⁴⁰

Бывшие младобухарцы становятся коммунистами.

В начале лета следующего, 1919 года в Ташкенте проходит I съезд БКП — Бухарской коммунистической партии. Избирается новый состав Центрального Комитета. Председателем партии становится Абдувахид Бурханов. Партия издает в Ташкенте журнал «Тонг» («Заря») и газету «Кутулуш» («Освобождение»). Получив наконец-то надежное покровительство, новоиспеченные бухарские коммунисты принимаются за революционную работу. В партии начинают появляться новые члены.

Вначале я считал, что сведения бухарских коммунистов о росте их рядов — это всего лишь то, что нынче называется «приписки». Конечно, склонность к припискам была у них всегда. Так, они приписывали себе организованный якобы ими в 1918 году мятеж двух тысяч афганцев, находившихся в бухарских войсках, или восстание крестьян в феврале 1919 года в Шахрисабзе, хотя нет никаких сомнений в том, что это были обычные народные волнения, которые время от времени (и довольно часто) случались в Бухарском эмирате.

Однако, если вдуматься, кое-какие души они могли улавливать без труда. Бегство за границу было делом обычным в Бухарском эмирате, правда, нет точных данных о том, сколько именно человек эмигрировало ежегодно. Крестьяне с женами и детьми старались осесть, где-нибудь на земле, чаще всего в Афганистане. Люди без определенных занятий бежали в города, в том числе в города советские: Ташкент, Самарканд. Чаще всего это были сарбазы — солдаты эмирской армии, которых вербовали на службу из самых низов общества — преступников, разорившихся крестьян, чужеземцев, а в недавнем прошлом — из рабов.

Как сообщает изданный в Ташкенте в 1920 году справочник «Вооруженные силы Бухары», в последние годы среди эмирских сарбазов усилилось недовольство и брожение, недостаточное, однако, чтобы поднять открытый мятеж. Усилилось дезертирство, и понятно, что, попав в большой незнакомый город — Ташкент или Самарканд, дезертиры первым делом старались найти своих земляков, поскольку получить хоть какую работу без знания ремесла было нелегко. Бухарские коммунисты помогали им перебиваться, возможно, помогали деньгами. Я думаю, что при помощи туркестанских коммунистов они пристраивали бывших сарбазов в Красную Армию, составляя из них особый полк для будущих действий в Бухаре. Уверен, что рассказы о всякой другой революционной работе являются вымыслом, поскольку те группы населения в эмирате, которые могли бы прислушиваться к коммунистической агитации, были слишком напуганы и подавлены недавней трагедией. Шпионство достигло к этому времени в Бухаре колоссальных размеров. Единственные, с кем возможна была нелегальная связь — это воинственные и непокорные туркмены, жившие большими родами, каждый из которых имел свою дружину.

Издание газет, журналов, различных прокламаций, содержание партийного аппарата — все это требовало немалых денег, которым, конечно, неоткуда было взяться у небольшой группки людей, называвших себя бухарскими коммунистами. У меня нет данных о том, какие они получали средства, но сколько бы им ни выделяли, они были убеждены, что сумма слишком мала для такой значительной организации, как БКП. Следуя привычным путем, они не упустили случая пожаловаться на своих покровителей. На 2-м конгрессе Третьего интернационала делегат от коммунистической партии Бухары сетовал на:

«...1) Недоверчивое и крайне неблагоприятное отношение туркестанских коммунистов к революционной работе партии бухарских коммунистов;

2) крайне инертное отношение представителей Советской власти в Туркестанской Республике к задачам и целям партии и пассивное отношение к ее нуждам и проч.;

3) политическая нечистоплотность официальных представителей Советской Власти в Бухаре и всевозможные вмешательства и репрессии по отношению к бухарским коммунистам за преданность и стойкость идеалам коммунизма...;

5) подкупность представителей Советской Власти в Бухаре, прием подарков в виде золотых вещей, бриллиантов и пр., не говоря о той службе, которая существовала между некоторыми представителями Советской Власти в Бухаре и бухарским правительством

и б) неблагожелательное отношение высших органов Туркестанской Республики (Краевого комитета Р.К.П. и Турккомиссии) к Цека партии и полное игнорирование к ее материальным нуждам и стремление к достижению реальных результатов в Бухаре и дальнейшему движению на Востоке...»⁴¹

Этот обиженный тон вполне соответствовал деятельности БКП, которая выглядела просто детской в сравнении с тем, что задумал Файзулла Ходжаев. Он не стал ждать милостей на периферии, а, не теряя времени в Ташкенте, летом 1918 года выехал в Москву. Это было рискованное и даже опасное путешествие. Туркестан отрезан от России белыми войсками. В Оренбурге Ходжаев был задержан, и, по его словам, четыре месяца находился в тюремном заключении. Как сообщает А. Ишанов, «ему угрожала смертная казнь по приговору полевого суда за связь с большевиками Туркестана, однако ему удалось бежать из тюрьмы и он скрывался сначала в Самаре, а потом в Казани под именем Алима Чураева»⁴²

Поразительно, как быстро освоился он в Москве, как четко и безошибочно нашел путь наверх. Его письмо Свердлову от 29 января 1919 года снабжено штампом и заверено собственной круглой печатью. Это письмо производит впечатление официальной бумаги большой организации...

Безошибочное чутье и тонкий политический расчет не подвели. В Москве его знают. В Москве его поддерживают. И он точно выбирает время возвращения в Ташкент. Файзулла Ходжаев приезжает в Туркестан вместе с Турккомиссией ВЦИК и СНК РСФСР* посланной Москвой, чтобы навести порядок в Средней Азии.

Меж молотом и наковальней

О личности последнего бухарского эмира Алим-хана известно не очень много. Но то, что известно, рисует человека не слишком привлекательного. «Личность совершенно бесцветная, без всяких высоких запросов, — пишет А. А. Семенов, — эмир Алим был занят всем, чем угодно, но не государственными делами: ими он совершенно не интересовался и ни во что не вникал»⁴³

Уже в изгнании, желая себя возвеличить, он сообщает с гордостью, что для блага подданных построил мост, а также медресе и мечеть. Для всемогущего повелителя целой страны это смехотворно мало. Обстоятельства чуть было не вынудили его ввести прогрессивные реформы, которые могли бы украсить его правление, но другие обстоятельства привели к их полному краху. Нельзя в том винить лишь нерешительность эмира — то время не было эпохой сильных государей. Но среди слабых монархов он был, пожалуй, одним из самых слабых.

Воспоминания самого Алим-хана изобличают тщеславие, напыщенность, недалекий ум и вместе с тем какие-то наивности и простодушие, которые можно было бы назвать трогательными, коли бы не его злодейства. Злодейства не государственные, по долгу службы, а личные, что, впрочем, было в семейной традиции этой династии. «Мальчиков и девочек уводят от отцов и матерей для скотской похоти эмира, — рассказывает И. В. Виткевич о Бухаре 30-х годов прошлого века. — нередко он наказывает телесно, лично при себе, если кто заслужит немилости его»⁴⁴ К «скотской похоти» склонен был и Алим-хан. Последняя жена его в бухарском гареме была девочкой девяти лет. В одной исторической работе упоминается о книге, где описано, как Алим-хан во время бегства из Бухары после переворота день за днем оставлял на месте ночевки по одному из своих «танцующих мальчиков» чтобы задержать преследователей⁴⁵ «Самой книги я в наших библиотеках не нашел.)

* Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР была образована постановлением ВЦИК и СНК 8 октября 1919 года в составе: Ш. З. Элиава — председатель, Г. И. Бокий, Ф. И. Голощекин, В. В. Куйбышев — заместитель председателя, Я. Э. Рудзутак, М. В. Фрунзе. ВЦИК и СНК уполномочивали Турккомиссию действовать от их имени в Туркеспублике и в сношениях с сопредельными с ней государствами; ЦК РКП(б) возложил на Турккомиссию высший партийный контроль и руководство партийными организациями края... Главной задачей Турккомиссии являлось оказание всесторонней помощи местным партийным организациям и органам Советской власти, установление правильных взаимоотношений между РСФСР и народами Средней Азии (Энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР». М. Советская энциклопедия. 1983, с. 601).

Оказавшись на чужбине в положении полупленника, бывший эмир писал немудреные стихи, изливая искреннюю тоску по родине. Злодей он был нерешительный, мягкий, пассивный. Не зря отец — эмир Абдулахад, которого он до смерти боялся, презрительно называл его Олим-гоу, что означает Алим-корова. Но и более твердому человеку и политику пришлось бы нелегко, окажись он в положении Алим-хана — между молотом и наковальней.

Молотом были Советы, наковальней — его собственный народ.

После первого тяжелого удара молотом — «колесовского похода» — эмир понял, что нападение без причины и повода, без объявления войны может повториться в любой миг и что надо спешно вооружаться и быть готовым к обороне.

Его безнадежные попытки обеспечить безопасность своего государства дали основание советским историкам, описывающим события в Бухаре, твердить в один голос: «Несмотря на то, что со стороны советского правительства проводилась политика добрососедского отношения к Бухарскому эмирату, эмир при поддержке иностранных государств готовил «священную войну» против Советской власти».

Разумеется, историки послушно повторяли официальную версию, придуманную, чтобы оправдать готовящийся захват эмирата и чтобы скрыть затем истинные события. Но есть ли хоть малейший смысл в этих утверждениях? Замышлял ли эмир на самом деле агрессию против Советского Туркестана? Была ли Бухара опасна для Советов?

Я не могу сейчас сказать ничего определенного о роли в этих событиях Англии, которая якобы подстрекала Бухару к войне против большевиков и помогала ей оружием и людьми. Думаю, что историки сильно преувеличивают английскую помощь эмирату. Во всяком случае, глава Британской военной миссии в Мешхеде генерал-майор У. Малесон, письмо которого к эмиру не раз уже приводилось в нашей литературе, настойчиво склоняет Алим-хана к нейтралитету:

«Если, Ваше Величество, позволите мне, Вашему убежденному стороннику, преподать Вам один благоразумный совет — то скажу следующее: Пока сохраняйте полный нейтралитет, и только открытая вражда и непризнание отношения с большевиками, конечно, придавленных обстоятельствами, далеко не означают благоразумия и не могут входить в план дорогого совета. И никто, я думаю, не предъявил бы к Вам такого настояния и требования...»

Переведено не очень складно, но можно понять, что генерал советует эмиру не враждовать с большевиками. Далее он предостерегает и от дружеских отношений с ними и завершает письмо еще одним призывом к осторожности: «Вот почему я еще раз выражаю твердую уверенность, что Ваше Величество не нарушит принципа нейтралитета...»⁴⁶

В работе «Алим-хан и падение бухарского эмирата в 1920 г.» Гленда Фрезе приводит многочисленные просьбы Алим-хана о помощи и сдержанные, ни к чему не обязывающие ответы британских властей. Как считает советский историк Камол Абуддаев: «У правительства Англии, потерпевшей поражение в войне с Афганистаном в 1919 году и потерявшей значительную часть своего престижа, фактически не было шансов использовать «бухарский конфликт» для укрепления своих позиций на Среднем Востоке. Мольба Алим-хана об оказании военной помощи вызвала большую дискуссию в Дели и Лондоне. Из материалов английских архивов, приведенных в трудах западных авторов, следует, что падение эмира и его предложения не вызывали большого интереса у англичан. Чиновники английского МИДа заявили, что большевики наследовали от царизма право владения Бухарой. Следуя этой по сути империалистической логике, антисоветские действия эмира рассматривались ими как незаконные. Кроме того, политический комитет вице-короля высказал мнение о том, что отношения с Бухарой, как частью бывшей российской империи, должны вестись не индийским правительством, а Форин Офисом...»

Столь же правдива и легенда о военном союзе с Афганистаном. Все попытки бухарского эмира заручиться военной помощью афганского эмира Хабибулла-хана ни к чему не привели. Его преемник Аманулла-хан, пришедший к власти в феврале 1919 года, и вовсе, по словам самого Алим-хана, «изменил обычаем предков и стал другом наших поработителей», то есть вступил в дружеские соглашения с Советской Россией. Айни рассказывает, что Алим-хан утверждал, что афганский эмир Аманулла — джадид и желает даже стать большевиком. Надежды на реальную помощь Афганистана не было.

Что же до легенды о связи Алим-хана с Колчаком, то всю ее несостоятельность

ярко показывает приведенная далее выдержка из дневника барона Алексея Будберга, военного министра колчаковского правительства: «**20 сентября 1919 года.** Ставка совершенно ошалела и проводит различные командировки, причем трудно даже сказать, какая из них наиболее нелепая. На днях ко мне явился присланный ставкой очень brave полковник, измысливший для себя командировку в Хиву и Бухару для руководства свержением большевиков и совместных затем действий против их тыла. Приказано ассигновать ему несколько десятков пудов серебряной монеты и выдать разное снабжение. В связи с этой командировкой в совет министров внесен проект правительственных грамот на имя эмира бухарского и хана хивинского, с тем, чтобы эти грамоты были вручены сему brave полковнику для передачи их по назначению.

Я решительно протестовал против обсуждения текста этих грамот, высказав, что такие документы присылаются с особыми послами и вручаются в торжественной аудиенции, а не проносятся зашитыми под подкладку шинели или заделанными в сапоги, как то придется делать нашему полковнику, собирающемуся пробираться в Бухару со стороны Китайского Туркестана и переодетым.

Я высказал, что уважающему себя правительству не следует делать того, что носит смешной, опереточный характер. Но большинство было другого мнения и текст этих грамот был утвержден»⁴⁷.

Личную инициативу «бравого полковника» никак не назовешь серьезной военной помощью или даже связью с правительством Колчака. К тому же полковник до Бухары не добрался, а был задержан красными.

Рассчитывать эмир мог лишь на свои собственные силы. Но были они невелики и состояли из регулярных частей ополчения или *наукров* (для русского слуха более привычно произношение «нукуры»). Наукаров, молодых парней, владеющих оружием, должна была поставлять каждая сельская и часть городских общин. По сути, это были княжеские дружины правителей областей, которые вливались в государственную армию в случае войны. Сарбазы, то есть солдаты-профессионалы, набирались в эмирскую армию добровольно. Соотношение силы эмирата и Туркестанской республики показывает оценка современного историка Александра Крушельницкого: «13 тысяч сарбазов эмирской армии с фитильными (!) пушками против 70 тысяч опытных бойцов с современным вооружением и боевой техникой! (Именно такое соотношение показывают подлинные архивы 1920 года.)»⁴⁸

В этой оценке не принято во внимание ополчение. Наверное, правильно. Что значит необученное, необстрелянное и плохо вооруженное ополчение — толпа крестьянских парней — против регулярной армии!... Но даже и такое ополчение собрать оказалось не так-то просто. Разноплеменное, измученное поборами, взбудораженное население Бухары не хотело становиться под ружье. Вот выдержка из сведений Бухарского районного бюро Отдела военного контроля от 19 сентября 1919 года:

«... 5) В бекствах Иссар и Гиждуван население отказалось от мобилизации. В двух бекствах предполагалось мобилизовать по 2 000 человек в каждом.

6) В Каракуме мобилизовано 3 000 человек, в Каршах и Гисаре население отказывается от мобилизации.

... 8) В Старой Бухаре на почве мобилизации идет волнение между персами, которых в Бухарских владениях до 200 тысяч.

9) В бекстве Нур-Ата на почве мобилизации и уплаты податей идет волнение»⁴⁹.

(Небольшое отступление. Перебирая архивы, натолкнулся я на документ, в котором прозвучала вдруг знакомая нота, неожиданное эхо грядущей афганской войны. Шифрованная телеграмма из Новой Бухары в Ташкент, в главное управление особого отдела:

«У нас имеется арестованный Федор Сучков... обвиняется в похищении пулеметов из Казанского полка и продажи их Бухарскому правительству, в этом деле обвиняются 27 человек, из которых 11 человек находятся арестованные у нас. Дело еще не закончено...

Начальник Новобухарского особотоделения А. Сафонов.

9 октября 1919 года»⁵⁰.)

Непредвзятые наблюдатели понимали, что происходит. «Общее чисто психологическое убеждение наше таково, что во всяком случае Бухара готовится к самозащите, реагируя на наши усиления здесь, — подводил итог секретному донесению в Реввоенсовет Туркфронта врид. военного атташе полномочного представительства РСФСР в Бухарском ханстве. — Данных, по которым можно было бы предполагать, что Бухара может выступить активно, по собственной инициативе, пока нет никаких.

Говорить о каком-либо разработанном плане со стороны Бухары не приходится. Пока несомненно, что в целях самообороны войска и наукары концентрируются в наиболее вероятных пунктах могущих быть ударов со стороны русских...»⁵¹

Ну а что же о наковальне?

Силу наковальни поковка ощущает лишь тогда, когда сверху ударяет молот.

Молот поднимается

Меня не оставляет чувство, что в истории падения эмирской Бухары скрывается какая-то загадка. По мере того, как я углублялся в эту историю, передо мной все выше и выше вырастала фигура Фрунзе и привлекала все большее внимание. С Фрунзе связан коренной переворот во взглядах руководства партии на направление, по которому движется на человечество мировая революция.

Об этой роли Фрунзе рассказал мне свидетель и участник тогдашних событий Иван Яковлевич Врачев. Правда, сведения его получены из вторых рук, поскольку он стал начальником штаба Туркестанского фронта уже после того, как Фрунзе отбыл из Ташкента. Привожу дословно его рассказ, записанный на диктофон:

«Адольф Абрамович Иоффе* мне рассказывал: после поражения Венгерской Советской республики, ослабления революционного движения в Германии, потери нами Прибалтики, когда Красной Армии удалось разбить южный фланг Колчака и снять блокаду Туркестана, Лев Давидович Троцкий внес предложение о нашей международной переориентировке. С Запада на Восток. Если на Западе мы маневрируем, соблюдаем осторожность, идем на уступки, чтобы предотвратить крупномасштабную интервенцию, то на Востоке, в Азии, нам следует проводить стремительную, активную политику и подготавливать удар на Индию, и через Афганистан, Пенджаб и Бенгалию прийти на помощь индийской революции. Предложенная Троцким переориентация с Запада на Восток соответствовала и взглядам Ленина на дальнейшее развитие революционных процессов в мире. Это убедительно отражено в его речи на Всероссийском съезде мусульман-коммунистов 22 ноября 1919 года...

Для разработки планов нашего возможного использования Туркестана для наступательных военных операций, Троцкий предлагал подобрать соответствующую кандидатуру — умного, смелого, способного проводить наступательные операции. Таким кандидатом оказался Михаил Васильевич Фрунзе — способнейший военачальник, выдающийся полководец. Эти его качества признавал Троцкий, вообще сдержанно оценивавший военачальников Красной Армии...»

Сообщение это подтвердил один военный историк, работавший в Центральном партийном архиве во время оттепели 60-х годов, и видевший документ с изложением описанных планов Троцкого. Однако либо все это были планы на будущее, либо поход на Индию замыслил один лишь Троцкий, не поддержанный Лениным. Во всяком случае, еще в декабре 1919 года Ленин одергивал Фрунзе, просившего прислать в Туркестан несколько военных специалистов:

«По-моему, Фрунзе запрашивает слишком много. Сначала Украину взять до конца, а Туркестан подождет, победствует.

Ленин»⁵².

Это, видно, и определяло терпимое отношение большевиков к Бухарскому ханству: «поскольку со стороны самодержавия Бухары нашим жизненным интересам и интересам мировой революции вообще не создавалось прямой угрозы, у нас не было оснований вмешиваться во внутренние дела этого государства»⁵³, — вспоминал Фрунзе.

Оттого можно счесть почти дружественным его визит к эмиру Алим-хану, который Фрунзе описывает в письме Ленину от 14 апреля 1920 года. (Прошу читателя обратить внимание на выделенные мной слова.) «10 дней тому назад, возвращаясь из Закаспия, мы с Элиавой были у бухарского мира эмира. Это человек с европейским образованием (окончил наш бывший Пажеский корпус), политически — верный друг Российской монархии, по характеру — слабый и безвольный человек, находящийся целиком под

* Иоффе А. А. (1883—1927) — советский дипломат, с 1921 г. заместитель председателя Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и член Туркбюро ЦК РКП(б)...

влиянием всесильной в Бухаре улемы. Мы упорно и настойчиво твердили ему о том, что Советская Россия в величайшей степени заинтересована в территориальной неприкосновенности Бухары и в сохранении в ней существующего режима; для укрепления же дальнейшей связи советовали самому, хотя бы в какой-нибудь степени, сверху, пойти по пути европеизации. В ответ удалось лишь получить уклончивое: «Помаленьку, потихоньку будем, но вот народ...» И затем сейчас же просил убрать из Кагана «клопов» (это — младобухарцы, приютившиеся под покровом нашего резидентства в Н. Бухаре)»⁵⁴

Я не думаю, чтоб Фрунзе хитрил. По воспоминаниям знавших его, это был человек чрезвычайно прямой, с огромным чувством собственного достоинства. Он, как мне представляется, считал бы унижением для себя лгать в лицо собеседнику, пусть даже будущему врагу, тирану, угнетателю и прочее. К тому же, в этом письме Ленину он пишет не о необходимости войны, а всего лишь «самой серьезной бдительности» в отношении Бухары.

Прошло лишь два месяца и отношение резко изменилось.

Уже 21 мая Л. М. Карахан, заместитель наркома иностранных дел сообщает Ленину: «Наша политика... не дала до сих пор никаких результатов — Бухара не с нами, а против нас. Поэтому в полном согласии с Турккомиссией, нашим уполномоченным в Ташкенте, мы предлагаем ликвидировать эмира и образовать из Бухары демократическую республику, поставив во главе ее младобухарцев (теперь уже коммунистов).

Это может быть проделано в несколько месяцев в порядке внутреннего переворота в Бухаре, поддержано с нашей территории бухарскими отрядами, составленными из дезертиров бухарской эмирской армии, перебегающих к нам в большом числе, а затем после образования нового правительства мы сможем ввести и наши войска для охраны железной дороги и границы»⁵⁵

Почему такая перемена? Что произошло? Эмир получил вдруг военную поддержку? Или же стало достоверно известно, что он назначил дату нападения на Советский Туркестан? Нет. Напротив, эмир задумал посольство в Москву, и в первых числах июня уже подписал послание Чичерину с изъявлением доверия и дружбы. Его посланники готовились в путь...

В это же самое время советские гарнизоны в Бухаре были приведены в боевую готовность. Однако первый удар последовал лишь месяц спустя. Сейчас уже не определишь, был ли он нанесен по оплошности, по недоразумению, или же то была сознательная провокация.

Дело было так. Эмир все же отважился на решительные действия. 2 июля отбыло в путь чрезвычайное посольство, которое Алим-хан направил в Москву для установления дружественных отношений с РСФСР. Помощи ему было ждать неоткуда, и он заранее смирился с тем, что в обмен на безопасность большевики потребуют от него преобразований в ханстве. Бухара в очередной раз стояла на пороге мирных демократических перемен.

И в очередной раз все сорвалось. Красные войска продолжали прибывать в русские поселения ханства. В тот же самый день, когда отбыло эмирское посольство, 2 июля, советское командование для размещения прибывших солдат силой захватило в Кагане здания, принадлежащие бухарскому правительству, и в их числе закат-хану.

Бухара отзывалась на этот произвол яростным всплеском возмущения, которое будет непонятно, если не объяснить, что было связано с этим зданием для каждого правоверного бухарца.

Закат-хана — учреждение, ведавшее сбором налога. Но не обычного, а религиозного. Закат — в исламе налог-милостыня в пользу нуждающихся мусульман. Это введенная в закон благотворительность. Мусульманские правоведы считают, что закат «очищает», делает безгрешным богатство, с которого он уплачен.

Богатые и сильные должны помнить о своем долге перед бедными и слабыми, и даже если этот идеал на деле расходится с действительностью, все же закат символически объединяет общину в единую семью. В любом случае это попытка, пусть и неосуществленная, хоть как-то умерить, смягчить несправедливость социального неравенства. Парадоксально (или символично?), что советские борцы за социальное равенство ударили именно в эту точку.

Возможно, сам эмир спустил бы дело на тормозах, в надежде на успех своего посольства и будущую защиту и поддержку советского центрального правительства. Но

правоверной Бухаре было не до тонких политических расчетов. Неверные посягнули на святая святых общины. На милостыню для вдов и сирот, больных и неимущих...

Как и всякое исламское государство прошлого или настоящего, Бухара управлялась законами, данными от Бога. Все четырнадцать муфтиев Бухары собрались, чтобы обсудить неслыханное событие и решить, что делать. И все четырнадцать пришли к выводу, что основы веры в опасности и требуют защиты. Каждый из них приложил свою печать к фетве, которая вынуждала эмира издать указ о начале «священной войны».

Дальнейшее развитие событий, описывает очевидец, временно исполняющий обязанности военного атташе полномочного представительства РСФСР в Бухарском ханстве Риштов:

..В.-Секретно

Ташкент, Реввоенсовет Туркфронта...

Новая Бухара, 30 июля 1920 года Донесение № 24

ТЕКУЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В БУХАРЕ

...Занятие нами — Бухзавода в Новой Бухаре и зякет-ханы под войска — с выселением 15-ти человек, живших там казаков с полковником, несмотря на самый категорический протест эмира и бухарского правительства по этому вопросу, придавших ему почему-то особенное важное значение — послужило сигналом боевой тревоги в Бухаре, дало повод для усиленной агитации муллам. За последние дни к Бухаре стекаются кишлачники не только с оружием, но и с палками; население окрестных Н. Бухаре кишлаков, бывшее за день до занятия зякет-ханы сравнительно спокойно, в чем я лично убедился при объезде трех из них — увозят свое имущество к Старой Бухаре; сады заполняются наукарами; усиливаются везде караулы... При усиливающемся боевом напряжении Бухары Бухарское правительство получает известия о продолжающихся якобы нападениях наших пограничников на Бухпогосты. Наконец убийство 27-го накануне истечения срока ультимативной ноты бухарского чиновника на территории Новой Бухары подлило масла в огонь.

Чиновники и муллы, получающие, кстати, за последние дни оружие, 28-го усиленно агитировали среди населения идти к эмиру с требованием немедленного начатия военных действий. Они же пытались собрать население для демонстрации перед Полномочным Представительством с требованием выдать убийц чиновника. Прибывающие кишлачники, а особенно туркмены, настолько дики, что представляют весьма опасный горючий материал, могущий вспыхнуть вопреки предположениям и желаниям дипломатии.

Эмир сдерживает чиновников, мулл, уговаривая повременить с началом войны. Низамуддин-Ходжа просит отложить начало постройки дороги на две недели, убрать младобухарцев, так как чиновники категорически отказались ехать в будущем в Каган, имея аргументом отказа сидящих под арестом у нас чиновников и факт убийства Неджафа. Сдерживающая роль эмира в вопросе о войне и предложение Низамуддина-Ходжи об отсрочке начала постройки дороги можно предположительно объяснить отказом прибытия из Керков пяти-десяти тысяч собранных там туркмен, о чем стало известно лишь вчера, а возможно и тем, что эмир сознает опасность этого предприятия для Бухары...

Если нам нежелательно или невыгодно сейчас почему-либо начало военных действий, необходимо сепаратные выступления кого бы то ни было категорически запретить, со стороны красноармейцев не допускать грабежей жителей кишлачников, потрав клевера и проч., в Новой Бухаре проявлять возможно меньше воинственности — в противном случае нельзя предотвратить неожиданную возможность начала военного пожара среди собираемых и электризируемых масс населения, войск и наукеров около Бухары и Ситораи-Махасса»⁵⁶.

Нет ничего удивительного, что при таком накале страстей возле Чарджоу был убит дипломатический агент Хорезмской Советской Республики, а в ста верстах от Бухары пропал без вести летчик, совершивший вынужденную посадку и отправившийся в кишлак за помощью. Но все это самодеятельность «в глубинке». Столица, несмотря на объявленную «священную войну», оружие готовила, но за него не бралась.

Ясно, что руководители Туркестана, у которых религиозное чувство было полностью выхолощено или искажено (направлено на политическую организацию — партию), отнеслись к религиозному гневу бухарцев с насмешкой или презрением. Даже Фрунзе, коренной «туркестанец», не был исключением. И ему г а з а в а т представлялся лишь ходом в политической игре реакционеров Бухары.

С другой стороны, и большевики призывали своих воинов к «священной революционной войне».

19 июля 1920 года руководство Туркфронта обратилось к войскам: «Открылся путь к нашему победному шествию на восток для новых побед и освобождения угнетенных народов». Знаменательные слова... Для нас это всего лишь штампы революционной риторики. Однако Фрунзе (а это его стиль) отмечал ими новую веху на пути, новые конкретные условия.

Что изменилось? Что открыло «путь к шествию на восток»? Думаю, что причиной тому была так называемая, «июльская операция», победное наступление войск Западного фронта в ходе советско-польской войны. К середине июля советские войска заняли Минск и Вильно, отход польских войск становился все беспорядочнее.

Большевики были убеждены, что на подмогу Красной Армии поднимается угнетенный польский крестьянин, мечтающий сбросить панское иго.

События на Западном фронте и там, в Москве, и здесь на Востоке, в Туркестане, были восприняты как начало победного шествия Мировой революции по планете. Фрунзе решил, что медлить нельзя, что необходимо подхватить в Азии то, что так блистательно начато в Европе. С той лишь разницей, что на Востоке военное руководство более трезво оценивало положение и не рассчитывало на помощь угнетенных крестьян, а надеялось лишь на собственную армию. Требовалось лишь, приличия ради, несколько подкрасить ее отрядами, состоящими из мусульман и «бухарских революционеров».

Накануне переворота

Бухарские коммунисты меж тем не сидели сложа руки. Эмирское посольство в Москву донельзя их встревожило. Как пишет А. Крушельницкий, благополучный исход переговоров похоронил бы все надежды на советскую помощь в свержении эмира. Председатель ЦК телеграфировал Фрунзе из Кагана 16 июня:

«Обстоятельства резко изменились, что требует немедленного выступления, почему просим отпустить 1000 винтовок, 300 револьверов, 150 бомб и 3 походных пулемета. Предложите отпустить 3 миллиона (рублей) николаевскими и керенскими знаками и все захватите с собой. С нетерпением ждем Вас. Сообщите день выезда. Время не терпит

Председатель ЦК Бухарских коммунистов
Наджиб Хусейнов»

Уполномоченный РВС Туркфронта, чьим шифром была передана телеграмма, счел необходимым на всякий случай дополнить: «За содержание настоящей телеграммы полпред и я ответственность с себя снимаем»⁵⁷

Одновременно в газете «Известия Туркчика» печатается письмо, присланное якобы из Бухары:

«Мы, бухарские граждане, собравшиеся на нелегальных собраниях с крайним трудом и опасностью, протестуем против посылки эмиром делегации в центр Советской России...»

Лидеры БКП срочно выясняют отношения между собой. Сейчас это уже не просто борьба за влияние в партии, а схватка за будущую, возможно, уже недалекую власть. «В Цека бухкоммунистов после приезда Мухитдинова из Москвы начались раздоры, носящие скорее личный, чем принципиальный характер, — сообщает Гопнер, полномочный представитель Наркоминдела РСФСР в шифрованной радиогамме Карахану в Москву — С одной стороны, Мухитдинов с нацужемлениями, оппортунист, льнувший скорее к демократической Бухаре, с другой — Хусаинов — несомненный революционер, но без твердой воли и руки. Пятого августа в Каттакургане состоится бухкомконференция, которая должна выявить живые силы партии»⁵⁸.

Но гораздо больше оснований для тревоги было у Файзуллы Ходжаева, который, вернувшись из Москвы, собрал вокруг себя тех младобухарцев, что не желали примыкать к коммунистам. На своей конференции, в середине июня 1920 года они приняли составленную Ходжаевым программу, в которой провозглашалось, что основой устройства нового общества и государства, а также и в отправлении правосудия должен быть

шариат, ибо только он «является толкованием справедливости и защитником бедноты». Программа требовала ликвидации эмирата и провозглашения Бухары народно-демократической республикой, путем созыва учредительного собрания (меджлиса) на основе всеобщего избирательного права⁵⁹.

При всем том, похоже, что младобухарцы могут остаться в стороне от бурной подготовки к походу на «помощь восставшему народу Бухары», и поскольку «помогать» будут туркестанские коммунисты, то и власть они вручат не кому иному, как собратьям по партии — бухарским коммунистам.

Но вступать в Бухарскую компартию Ходжаеву уже поздно, да и не возьмут его, а если и возьмут, то на третью или четвертую роль, поскольку первые роли они и меж собой поделить не могут. И Файзулла Ходжаев находит блестящее решение — оставить в стороне бухарских коммунистов и вступить прямо в «вышестоящую» компартию, в РКП(б)!

Не медля, он посылает письмо Ленину с просьбой принять в члены Российской коммунистической партии всю младобухарскую революционную организацию.

Однако Оргбюро ЦК РКП(б) отклонило предложение. На одну маленькую Бухару двух соперничающих коммунистических групп слишком много.

Младобухарцы оказались в положении пассажиров без билета перед последним звонком. Сейчас поезд тронется, и они останутся на перроне. И тогда Файзулла Ходжаев, не раздумывая, вскочил на подножку.

Получив отказ от Оргбюро ЦК РКП(б), он добился того, что меньше чем через неделю в Ташкенте собралось заседание Турккомиссии ЦК ВКП(б), на котором присутствовали младобухарцы и бухарские коммунисты.

Слушали «мнения младобухарских революционеров о возможности слияния той и другой партии». Мнения сидящих в вагоне и висящих на подножке резко разделились. Привожу выдержки из протокола: «Представитель младобухарской революционной организации заявил, что существование программы, отличной от программы Российской Коммунистической партии в своих принципиальных основаниях и требованиях является тактическим шагом, дающим бухарским революционерам, исповедующим по существу идеи коммунизма, ближе подойти к массам бухарского населения и вовлечь в борьбу с бухарским эмиром те слои населения, которые не пошли бы за прямо и ясно формулирующими коммунистическими лозунгами. «Что же до объединения обеих партий, то организация младобухарцев» считает возможным тесный блок только под руководством представителя Р.К.П., ввиду того, что разногласия, существующие между той и другой организацией он видит не в принципиальных разногласиях, а личной вражде между отдельными членами этих организаций». Представитель же бухарских коммунистов в ответ заявил, «что объединение с младобухарской революционной организацией ни теперь, до переворота в Бухаре, ни после переворота невозможно ввиду того, что у бухарских коммунистов нет абсолютно никакого доверия к младобухарской революционной организации, которая, по мнению бухарских коммунистов, о своем сочувствии коммунистическим идеалам заявляет неискренне и каждую минуту могут изменить свою политическую позицию».

Выслушав мнение тех и других, Турккомиссия ЦК РКП(б) решает: «Младобухарская революционная оппозиция, поскольку она имеет официальное лицо, выраженное в существующей ныне программе, противопоставленной программе коммунистов, не могла быть поддержана РКП, но принимая во внимание ее заявление о том, что она считает себя стоящей на коммунистической платформе и **обязуется вступить официально в ряды коммунистической партии на другой же день после переворота в Бухаре**, комиссия ЦК полагает возможным оказывать младобухарской революционной организации поддержку»⁶⁰.

Младобухарцев впустили в вагон. Поезд уже шел вперед, не дождавшись сигнала об отправлении. Еще 1 августа Фрунзе телеграфом запросил Москву: что делать с Бухарой. Политбюро ЦК РКП(б) еще обсуждало этот вопрос, когда в Ташкенте 10 августа было создано «Временное правительство Бухары» из девяти человек — шести коммунистов и трех младобухарцев. Глава правительства, председатель Совета народных назиров, т. е. комиссаров — Файзулла Ходжаев. Осталось совсем немного — взять Бухару.

На следующий день, 11 августа, Политбюро ЦК РКП(б) отдало директиву Реввоенсовету Туркфронта. Первый пункт этого противоречивого документа предписывал: «Не брать на себя инициативу нападения на бухарскую территорию и на бухарские воинские

части...» Последний, четвертый пункт, сводил полностью на нет первый: «Замена подготовительных к обороне мероприятий наступлением по нашей инициативе может произойти лишь при наличии более или менее популярного бухарского революционного центра (хотя бы на нашей территории), призывающего нас к такому наступлению...»⁶¹

Итак, Москва умывает руки, предоставляя Ташкенту возможность решить самому, а по сути дела — разрешает переворот. Подготовка к нему идет быстро, четко, скрытно.

«Первые дни... подготовительной работы, — вспоминал очевидец, — проходили довольно гладко, хотя скрытая борьба продолжалась, но она должна была рано или поздно разгореться. Так и случилось. Борьба разгоралась с новой силой, и сразу она приняла самые жестокие формы. На авансцену политических разногласий двух борющихся между собой фракций — младобухарцев и бухарских коммунистов — были брошены страшные обвинения. В Чарджоу, где происходила конференция младобухарцев и коммунистов, страсти разгорелись до такой степени, что дело первой встречи двух противников, чуть не кончилось настоящим столкновением — полный разрыв, казалось, был неизбежен. Помешало этому энергичное вмешательство русских товарищей»⁶².

Тем временем изменилось положение на Западном фронте и это придало предстоящим бухарским событиям новый смысл. «Выступления революционеров в Бухаре, как это ни странно, имеют связь с событиями на польском фронте», — обмолвился Куйбышев. Связь эту, пряча истинный смысл, он толковал на свой лад. Суть же ее проста: победа в Бухаре должна была компенсировать поражение под Варшавой. То что не удалось на Западе, удастся на Востоке. Мировая революция продолжается!

25 августа 1920 года Директива командующего Туркфронтом возвестила войскам: «Бухарский народ восстал против своих поработителей... Для оказания революционной братской помощи бухарскому народу... с рассветом 29 августа начать активные действия»⁶³.

Двигались к Бухаре в страшной тайне. «Командный и политический состав частей осведомлялся только о непосредственных задачах... Распоряжения давались не по телефону, а с нарочными в секретных пакетах»⁶⁴, — описывает участник событий В. Клементьев.

Начальник отряда особого назначения Туркфронта отдал приказ: «...следить за тем, чтобы двери вагонов были плотно закрыты, люки, окна разрешать держать открытыми, но люди не должны показываться у них... Отдельному Стрелковому Туркестанскому полку именоваться «рабочей колонной» едущей в сторону Красноводска. Посторонних лиц, кто бы они ни были, в эшелон ни в коем случае не пускать»⁶⁵.

Войска тайно и стремительно были доставлены в узловые точки на границе и на территории Бухарского ханства, чтобы с 28 на 29 августа одновременно и неожиданно начать наступление на жизненно важные центры страны. Главная задача выпадала Каганской группе — штурм Бухары.

Вместе с полками Красной Армии шли Туркменский отряд бухарских красных войск под началом Куль-Мухамедова — и 1-й Восточномусульманский полк, собранный из сарбазов, бежавших из эмирских войск.

Падение Бухары

По замыслу Фрунзе «помощь восставшей Бухаре» должна была начаться захватом города Чарджоу. Сообщение об аресте бека, правителя области, послужит сигналом для других войсковых групп, которые одновременно начнут наступления на своих участках.

Чарджоу был выбран не случайно. Только здесь можно было продемонстрировать, что революция начата «восставшим народом». Захватить город и правителя области должен был Туркменский отряд бухарских красных войск под началом Куль-Мухамедова. У меня нет сведений, был ли этот отряд родовой дружиной или в него входили воины из разных туркменских родов. Думаю, что первое вероятнее. Населяющие бекство свободолюбивые и воинственные туркмены признавали законной властью только старейшин рода и издавна относились враждебно к поставленной над ними администрации, состоявшей в основном из узбеков.

Как бы то ни было, определение «бухарский народ» подходило воинам Куль-Мухамедова более, чем кому-либо иному из участвовавших в операции. Мусульманский полк состоял из прибывших из России мусульман, в основном татар. В Первый Восточ-

но-мусульманский полк, как и в небольшие краснобухарские части входили в основном бывшие сарбазы эмирской армии.

Хорош для начала военных действий Чарджоу был еще и тем, что взятие города и крепости было делом в общем несложным и завершить его можно было в несколько часов. По данным разведки, крепость защищали всего 260 аскеров с двумя пушками.

Выступить отряд Куль-Мухамедова должен был в полночь и закончить операцию к трем часам утра.

Во всех сочинениях, посвященных этим событиям, взятие Чарджоу описывается бегло и смутно. Что же произошло на самом деле?

Историку Намозу Хотамову удалось найти в партийном архиве Таджикского филиала института марксизма-ленинизма объемистую рукопись — воспоминания Н. Д. Ратникова, принимавшего участие во всех событиях. Ценнейшие свидетельства Ратникова ученый приводит в своей работе «Свержение эмирского режима в Бухаре (1917—1921 гг.)», с рукописью которой он любезно меня познакомил, разрешив на нее сослаться.

Вот что рассказывает Ратников о взятии Чарджоу*: «Ночь была темная. Часам к двум подошли к городу Ст. Чарджоу без всякого сопротивления. Левый фланг — Туркменский кавотряд что-то идет слабо. Выясняем. Им страшно, как они тогда говорили, бывает ночью. Залегли в кустах и решили ждать рассвета. Уже назначенный срок захвата города на исходе. Темно. Мы нервничаем, почему нет донесений. Проверяем, оказывается не только Туркменский кавдивизион, но и мусотряды по своей инициативе остановились и самым серьезным образом ждут рассвета. Рассуждать было некогда, надо было действовать, хотя некоторые моменты уговаривания и разъяснения здесь были. Воевать надо уметь всегда и ночью в том числе. Берем свой резерв — бригадную школу пускаем правым флангом, которая своим порывом и активностью увлекает и все остальных. Город после небольшой перестрелки захватывается, берутся пленные, в том числе бек и все ответственные чиновники и вооружение»⁶⁶.

Оставив в Чарджоу гарнизон и передав власть Временному революционному комитету с коммунистом Бешимом Сардором, войска погрузились на поезд и через несколько часов были уже в Каракуле. «Тут мы исправили старую чарджуйскую ошибку, — пишет Ратников, — и операциями до конца захвата гор. Каракуля и всех пунктов возможных переходов противника в глубь Восточной Бухары руководили сами. Город был схвачен без всякого выстрела»⁶⁷.

Правители Китаба, Гузара и Шахрисабза бежали при приближении красных полков. Все трое были братьями, дядьями эмира Алим-хана, на поддержку и защиту местных жителей они не рассчитывали, что понятно, если вспомнить давнюю историю взаимоотношений Шахрисабза и Бухары. Акбар Хусаинов, который вошел в Шахрисабз с первой кавалерийской дивизией, рассказывал: «В канун нашего выступления во дворе и крепости Шахрисабского бека происходила кровавая расправа над австрийцами, заброшенными сюда империалистической войной в качестве пленных. Они работали в мастерских, изготавливали оружие, снаряды, модернизировали старые пушки. Почувствовав, что почва под ногами горит, бек сжег мастерские, а находившихся там около двухсот рабочих-австрийцев вырезал»⁶⁸.

Один за другим красные полки занимали города Хатырчи и Зияуддин, Карши, Китаб, Шахрисабз, Гузар — нигде не встречая по-настоящему серьезного сопротивления. Исключение составила Священная Бухара.

Накануне штурма на станцию Каган в 12 верстах от Бухары начали прибывать эшелоны с войсками. С наступлением сумерек железнодорожная станция и город Новая Бухара были окружены охраной, которая пропускала в оцепление всех, но обратно не выпускала никого. Подготовка благодаря этой предосторожности, осталась в тайне и оттого начало военных действий ошеломило Бухару. Подкравшись накануне поближе, Красная Армия ранним утром 29 августа совершила стремительный бросок на город по рельсам.

На карте тех лет видно, как железнодорожная линия, раздваиваясь от Кагана, словно бы берет Бухару в рогатину. Правая ветвь рогатины упирается в восточную стену

* Следует пояснить, что Туркменский отряд в случае необходимости должны были поддерживать полки Красной Армии, в том числе и мусульманские части.

— Каршинские ворота. У основания этой ветви, словно выдвигающееся стальное лезвие, притаился бронепоезд № 28.

Левая ветвь, проходя вдоль южной части городской стены, сворачивает на Чарджу. По этой линии курсирует бронепоезд № 23, повернув пушки к Бухаре.

Соответственно и войска разделились на две колонны — левую и правую.

Первоначальный замысел был следующим: левая колонна, прибыв по железной дороге, пробивается к южной части стены, через ворота врывается в город (по-видимому, ворота на этом участке были менее укреплены, чем на других), уничтожает войска противника и берет в плен эмира.

Главная действующая сила здесь — 1-й Восточномусульманский полк, которому оказывают поддержку стрелковый и кавалерийские полки и артдивизион*. Нетрудно понять логику этого замысла. Для соблюдения приличий Бухару должен был взять все тот же «восставший бухарский народ», роль которого досталась 1-му Восточномусульманскому полку, состоявшему в основном из бывших сарбазов, бежавших из эмирской армии. Все остальные воинские подразделения предназначались лишь для подстраховки.

Действия второй колонны, движущейся вдоль правой ветки дороги, должны были носить вспомогательно-демонстративный характер. Их цель — отвлечь силы противника в направлении Каршинских ворот в восточной части стены.

Штурм начался. Части противника, ошеломленные внезапным наступлением красных войск, бежали. Красные подошли к стене. Передовая цепь стрелкового полка ворвалась вслед за отступающим противником в город через ворота Шайх Джалол.

И тут подтвердилась давняя истина: в пустыни попадают не самые лучшие и надежные бойцы. Очевидец рассказывает: «В это время против левого фланга Восточномусульманского полка из крепости через кладбище стали выходить большие толпы, состоящие из мулл и учеников медресе (семинаристов), размахивая белыми платками. Вслед за ними скрытно пробирались афганские солдаты. Восточномусульманский полк, среди бойцов которого преобладали бухарцы, восставшие против эмира, был слабо подготовлен для боя и, поддавшись провокации, своевременно не открыл огня по приближающейся толпе. Афганские солдаты, воспользовавшись замешательством, атаковали Восточномусульманский полк, который не выдержал натиска и начал отступать»⁶⁹.

Это было не просто беспорядочное отступление, а бегство под давлением пехотных и кавалерийских отрядов противника.

Вынужден был отступить и стрелковый полк, «встреченный сильным пулеметным и ружейным огнем из мечетей и жилых построек».

Взять Бухару одним мощным броском не удалось. Более того, все предпринятые в этот день атаки успеха не имели.

Потерпела полный крах и режиссура переворота. Оказалось, что 1-й Восточномусульманский полк, исполнитель главной роли — «восставшего бухарского народа», совершенно не пригоден для героического амплуа. Отныне в этом кровавом спектакле он будет выходить на сцену лишь в качестве статиста на заднем плане.

30 и 31 августа красные войска несколько раз переходили в наступление, неоднократно захватывали окраину города, но упорное сопротивление защитников Бухары отбрасывало их в исходное положение. Осажденные сами пытались перейти в контратаки, но были отбиты. Город непрерывно обстреливала легкая и тяжелая артиллерия, одиннадцать самолетов бомбили его с воздуха. Но Бухара не сдавалась.

Все это время будущее правительство свободной Бухары — младобухарцы и бухарские коммунисты с нетерпением ожидали исхода сражения в Новой Бухаре, вслушиваясь в отдаленный гром канонады, приглушенные расстоянием разрывы бомб над родным городом.

Фрунзе руководил штурмом из Самарканда. С недоумением он телеграфировал Куйбышеву: «Дела под Бухарой продолжают обстоять неважно. Несмотря на прибытие солидной помощи из Первой армии, город до сих пор не взят. Мы несем огромные потери...»⁷⁰

* Я не привожу названий отдельных полков, батальонов и отрядов, чтобы не затруднять читателю понимание общей картины штурма. Тех, кто интересуется деталями, отсылаю к подробным статьям со схемами и картами участника событий комдива В. Клементьева: «Освобождение Бухары (Бухарская операция 1920)» в № 10 «Военно-исторического журнала» за 1940 год и «Крушение эмирата» в книге «За Советский Туркестан». Ташкент. 1963.

Защитники Бухары сражались с исключительной стойкостью и мужеством. Как ни парадоксально, но средневековые укрепления — глиняные стены и деревянные ворота, окованные железом, оказались неприступными для армии начала века. Оставалось одно — проломить ворота. Направление главного удара переместилось вправо, к Каршинским воротам, где железная дорога и идущее параллельно ей шоссе позволяли придвинуть артиллерию и бронепоезда вплотную к самому городу. 31 августа сюда были незаметно перебросены все силы. На месте левой колонны осталось лишь несколько легких орудий, два кавалерийских полка и 1-й Восточномусульманский полк со сводной ротой добровольцев, состоявшей в основном из революционных бухарцев. Все они должны были создавать видимость активности на левом боевом участке.

Разбить ворота тоже оказалось непросто. Над ними в несколько рядов шли бойницы, огонь из которых не позволял выкатить пушки на дорогу, ведущую к воротам. Бить сбоку артиллерии мешали деревья. Придумали следующее. На дорогу внезапно выехал броневик и открыл пулеметный огонь по бойницам. Стрелкам в крепости пришлось спрятаться. Тогда на дорогу выкатили на руках тяжелое орудие и прямой наводкой ударили по воротам. Затем вновь выскочил бронепоезд и прикрыл отход артиллерии. Таким образом каршинские ворота были все-таки разбиты. Но проход был слишком узким. Ночью саперы сделали подкоп в стене и заложили около тонны взрывчатки. Ранним утром 1 сентября на Бухару обрушился ад. Мощный взрыв проломил стену. Пушки били по городу, не умолкая. Сверху бомбила авиация. Через проломы красные ворвались в город.

К вечеру защитники города стали отступать из охваченной пожаром Бухары. Утром 2 сентября атакующие заняли опустевший Арк — эмирскую цитадель на высоком холме в центре города. Эмир бежал из Бухары накануне штурма, в ночь на 1 сентября. Эмират пал. Из Новой Бухары прибыло новое правительство.

О чем думал и что чувствовал Файзулла Ходжаев, вступая в полуразрушенную столицу? Он добился своего. Он верно все рассчитал. Он вложил все, что имел, — силы, ум и саму свою жизнь в гигантское Дело и видел, как вклад его возвращается с невероятными процентами.

Он взошел на вершину власти и славы и не знал, что через восемнадцать лет рухнет этот воздвигнутый им призрачный мир и что сам он будет ликвидирован по приговору суда как «враг народа».

Если бы вам довелось увидеть в то утро 2 сентября 1920 года, как едет он по родному городу на торжественный митинг по случаю «освобождения Бухары» среди трупов, развалин и пылающих зданий — невозмутимый, подтянутый, тщательно одетый, если бы вам удалось заглянуть в его холодно-отчужденное лицо и удивительно спокойные, словно отсутствующие, глаза, то вряд ли вы сочли бы его «другом народа».

Но будущая его гибель не была возмездием. В потоке жизни, в необратимой лавине причин и следствий нет ни возмездия, ни воздаяния. И то, и другое — лишь идеи, имеющие реальность исключительно в человеческом сознании. Только людское тщеславие пытается превратить мироздание во всеохватывающую бухгалтерию, где ведется подсчет добрых и дурных поступков и где каждому воздается по делам его. Но и нет сомнений в том, что каждое наше действие, каждая мысль, каждое слово или намерение неуловимо изменяет поток бытия, с которым мы неразрывно слиты.

Страшная смерть Файзуллы Ходжаева в одном из безвестных чекистских подвалов — следствие (незначительное в сравнении с другими) его собственных деяний.

Всех последствий мы не можем представить даже сейчас, спустя семьдесят с лишним лет.

Эпилог с обещанием

Вторжение в Бухару не было ни первым, ни последним в нашем веке, справедливо названном «веком вторжений». Много раз и до того, и с тех пор разные страны вторгались к соседям, и всегда это оправдывалось необходимостью «восстановить справедливость». Справедливым виделся и большевикам поход на Бухару, где царили произвол и жесточайшее угнетение народа, что давало, по их представлениям, моральное право навести здесь порядок силой оружия. Им не было дела до того, что почти всегда угнетенный и угнетатель срастались, словно сиамские братья-близнецы, связанные

общей кровеносной системой, и, желая уничтожить угнетателя, они наносили кровавые раны угнетенному. Что же делать? Терпеть ли мир насилия или ополчиться против него? Это гамлетовский вопрос, но революционеры — не Гамлеты. Оттого-то они революционеры. И режут они по живому.

Но я не собираюсь обличать большевиков. В наше время, когда это не грозит ничем, подобное занятие непристойно. К тому же, благородное негодование и призывы к справедливости, обращенные в минувшее, не имеют ни малейшего смысла. В прошлое надо вглядываться, а не вперять укоризненный взор.

Внимательно вчитавшись в приведенные выше материалы, вы разглядите в них как бы два плана, два уровня: внешний, явный, и внутренний, тайный. «Внешний» — документы, приказы, директивы, обращения, воззвания — в стандартных высокопарных выражениях призывают к «братской помощи угнетенным народам Востока». Но секретные документы того же самого времени показывают, что авторов этих воззваний волновала не «помощь угнетенным», а собственная безопасность, что и было главным аргументом, которым они оправдывали перед Москвой необходимость «ликвидировать эмират». Но и это неправда, ибо они не могли не знать из донесений многочисленных агентов, что реальной опасности нет. Стало быть, ложным был и второй, тайный план.

Что же одушевляло их на самом деле? Что двигало ими? Уже было высказано много различных объяснений, но загадка, на мой взгляд, все еще далека от разрешения.

Может быть, неправильно задан вопрос? Может быть, за явлениями, которым мы ищем простые и привычные объяснения — колонизация, экспансия, экономические причины, смена общественных формаций и прочая, и прочая — скрываются какие-то более глубокие и сложные закономерности, которые мы еще не научились распознавать?

Но спустимся из эмпирей на землю, вспомним, что последовало за бухарским переворотом. Возникло еще одно независимое советское государство — Бухарская Народная Советская Республика, которая вошла в СССР, а затем, при так называемом национальном размежевании, была разрезана на куски, как пирог, который был роздан каждой из вновь образованных республик — Узбекистану, Туркмении, Таджикистану.

Бухара полностью утратила свое значение и влияние одной из столиц мусульманского мира. К этому времени и Турция становилась все более и более светским государством. Падение Бухары изменило макрокосм мусульманского мира. Подобно тому, как при разрушении какого-либо мозгового центра, его роль берут на себя другие, соседние участки коры, точно также на первый план стали выдвигаться бывшие доселе незаметными страны. Это было начало сложного процесса трансформации, в котором смешались воедино религиозные, политические и социальные мотивы и который после долгих преобразований привел к той картине мусульманского мира, которую мы видим сегодня.

Трудно сейчас решить (да и требует ли особого разбора), было ли падение Бухары вызвано началом этого процесса или же, напротив, оно явилось пусковым моментом, детонатором перемен. В любом случае, роль этого события велика. Но как бы то ни было, речь идет лишь об одной, хотя и центральной точке, а не об общем энергетическом поле. Потому что ислам никогда не уходил из Средней Азии. Атеизм, будучи холодной формальной религией, требовавшей лишь наружной покорности, оставлял под своим покровом живую душу и полную свободу для внутренней религиозной жизни азиатского крестьянства.

В первые послереволюционные годы Советская власть опасалась вмешиваться в религиозную жизнь восточных народов и вынуждена была терпеть ненавистные ей религиозные культы. Первая же попытка грубо вмешаться в них вызвала бурный всплеск народных волнений. И власть вынуждена была отложить борьбу с религией до тех пор, пока достаточно окрепнет.

Изменения в первые послереволюционные годы затронули лишь администрацию, лишь город. Оттого сопротивление было столь неистовым в Бухаре, по сельским районам Красная Армия прошла, почти не встречая никакого сопротивления. Большинство местных жителей, независимо от национальности, воспринимали всякую власть, в том числе и эмирскую, как иноземную, и не видели необходимости вмешиваться, когда одна иноземная власть заменялась другой иноземной властью. Забота крестьянина — выжить, пока власти дерутся между собой. Исключение составляли воинственные племена, жившие набегами и разбоем и не терпевшие на своей территории вооруженных людей. Они-то и оказывали сопротивление. Все прочие были готовы привычно смириться перед любой силой, пришедшей с оружием и назвавшей себя властью. Смириться до поры до времени.

Сложнее понять, отчего поднимается крестьянин, отчего извечное смирение и инстинкт самосохранения отступают в сторону, и он берется за оружие, рождая тот самый бунт, «бессмысленный и беспощадный», который так страшит горожан. Я думаю, Пушкин назвал его «русским бунтом» лишь потому, что не имел случая наблюдать крестьянские бунты других народов...

Глиняный азиатский деревенский мир остался за рамками повествования. Но речь о нем еще впереди. Без рассказа о крестьянстве не обойтись в описании тех событий, что последовали за падением Бухары и которые будут описаны в заметках под названием «Басмачи — обреченное воинство».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 132.

² Там же. Т. 51. С. 90.

³ Липицкий С. В. Сталин Иосиф Виссарионович. — В кн. Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г.). — М.: Политиздат. 1991. С. 402.

⁴ IX Конференция РКП(б). — М.: Политиздат, 1972. С. 24.

⁵ Грюнебаум Г. Э. Классический ислам. Очерк истории. — М.: Наука. 1986. С. 64.

⁶ Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. — СПб. 1909. С. 12-13.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Там же. С. 51-52.

⁹ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии. — В кн. Избранные труды в трех томах. — Ташкент: Фан. 1970. Т. 1. С. 74.

¹⁰ The Encyclopaedia of Islam, n. e. Leiden, London: E. J. Brill, Luzac & Co., 1961, vol II. Fase. 28, p. 366.

¹¹ Семенов А. А. К прошлому Бухары. — В кн. Айни С. Воспоминания. — М.-Л.: Наука. 1960. С. 1010.

¹² Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в. Позднефеодальный город и его население. — М.: Наука. 1966. С. 236.

¹³ Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 83-88.

¹⁴ Там же. С. 76.

¹⁵ Айни С. История революции в Бухаре. — Памир. 1986. № 4. С. 126-127.

¹⁶ Красный Архив. 1927. Т. 1 (20). С. 89-90.

¹⁷ Ходжаев Ф. К истории революции... С. 101

¹⁸ Рашковский Е. Б., Журавский А. Б. Мусульманское правосознание в контексте современного города: проблема восприятия западногенных политико-правовых норм. — В кн. Города на Востоке. Хранители традиций и катализаторы перемен. — М.: Наука. 1990. С. 262.

¹⁹ Ходжаев Ф. К истории революции... С. 122.

²⁰ Там же. С. 105.

²¹ Айни С. История революции в Бухаре. — Памир. 1986. № 5. С. 81-82.

²² Семенов А. А. К прошлому Бухары. С. 981.

²³ Айни С. История революции в Бухаре. С. 83-84.

²⁴ Там же. С. 93.

²⁵ Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 93-94.

²⁶ Там же. С. 93.

²⁷ Грюнебаум Г. Э. Классический ислам. С. 48.

²⁸ Ходжаев Ф. К истории революции... С. 118.

²⁹ Там же. С. 121.

³⁰ Семенов А. А. К прошлому Бухары. С. 991.

³¹ Ходжаев Ф. К истории революции... С. 137.

³² Там же. С. 137.

³³ Там же. С. 139.

³⁴ Колесов Ф. Восстание в Бухаре. — В кн. Война в песках. — ОГИЗ. 1935. С. 246-247.

³⁵ Там же. С. 249.

³⁶ Там же.

³⁷ Ходжаев Ф. К истории революции... С. 136.

³⁸ Гудович А. На помощь. — В кн. Война в песках. — ОГИЗ. 1935. С. 277.

³⁹ Ходжаев Ф. К истории революции... С. 153.

⁴⁰ Ишанов А. Бухарская Народная Советская Республика. — Ташкент: Узбекистан, 1969. С. 136.

- ⁴¹ ЦПА ф. 583, оп. 1, ед. хр. 106, л. 1.
- ⁴² Ходжаев Ф. Избранные труды в трех томах. — Ташкент: Фан. 1970. Т. 1. С. 17.
- ⁴³ Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. — Труды Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад. 1954. Т. XXV. С. 9-10.
- ⁴⁴ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демизона и И. В. Виткевича). — М.: Наука. 1983. С. 113.
- ⁴⁵ Maclean Fitzroy. A Person from England. — London, 1959, p. 334.
- ⁴⁶ Цит. по: Машицкий А. Материалы по истории бухарской революции. — Вестник народного комиссариата по иностранным делам. 1922. № 4-5.
- ⁴⁷ Будберг А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). — Л.: Прибой. 1929. С. 121.
- ⁴⁸ Крушельницкий А. Диктатура по телефону. — Родина. 1989. № 5. С. 33.
- ⁴⁹ ЦГАСА ф. 110, оп. 1, д. 25, л. 159.
- ⁵⁰ ЦГАСА ф. 110, оп. 1, д. 25, л. 303^б.
- ⁵¹ ЦГАСА ф. 110, оп. 1, д. 96, л. 15.
- ⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 89.
- ⁵³ Железный путь. 1920. № 4.
- ⁵⁴ Исторический архив. 1958. № 3. С. 37.
- ⁵⁵ Ишанов А. Бухарская... С. 165.
- ⁵⁶ ЦГАСА ф. 110, оп. 1, д. 96, л. 16-17.
- ⁵⁷ Цит. по: Крушельницкий А. Диктатура по телефону. С. 34.
- ⁵⁸ ЦГАСА ф. 110, оп. 2, д. 96, л. 38.
- ⁵⁹ Ишанов А. Бухарская... С. 170.
- ⁶⁰ ЦПА ф. 122, оп. 1, ед. хр. 10, л. 62.
- ⁶¹ Цит. по: Крушельницкий А. Диктатура по телефону. — С. 35.
- ⁶² Машицкий А. Материалы по истории бухарской революции. — Вестник народного комиссариата по иностранным делам, 1922, № 4-5, с. 122-123.
- ⁶³ Директивы командования фронтов Красной Армии. Сб. документов. М. 1976. Т. 3. С. 550.
- ⁶⁴ Клементьев В. Освобождение Бухары (Бухарская операция 1920 г.). Военно-исторический журнал. 1940, № 10. С. 75.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Цит. по: Хотамов Н. Свержение эмирского режима в Бухаре. (1917—1921 гг.). (Рукопись). С. 178.
- ⁶⁷ Там же. с. 181.
- ⁶⁸ Хусайнов А. Последние схватки. — В кн. За Советский Туркестан: Ташкент, 1963, С. 469.
- ⁶⁹ Клементьев В. Освобождение Бухары. С. 79.
- ⁷⁰ Цит. по: Жирков А. Флаг над Регистаном. — Литературный Киргизстан. 1982. № 1. С. 28-29.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Печальная история народа Бухары, написанная его высочеством сайидом эмиром Алим-ханом, эмиром Бухарским

Во имя бога, всепрощающего и милостивого.

Да будет известно владеющим знаниями и обладающим проницательностью, что я, покорный слуга Божий, сайид¹ эмир Алим-хан, был правителем страны Бухара. Изложив

Публикуется с незначительными сокращениями по изданию: Emir Saiol. Alim Khan. Ya voix de la Boukharie opprimee. Paris, 1929.

¹ В мусульманском мире почетное прозвище потомков пророка Мухаммада из ветви, восходящей к его внуку Хусейну.

на бумаге все тогдашние обстоятельства и свои приключения с детства моего до времени царствования в столице Бухары, повесть о войне, которую я вел с большевиками, о переселении в стольный Кабул и рассказав все это, я назвал изложенное «Печальная история народа Бухары», чтобы из повествования этого раба¹ правление мое в стольной Бухаре и подвластных землях, война, которую я вел с большевиками, и переселение мое в Афганистан, прояснились бы для читающих и изучающих и предстали бы пред ними в истинном свете.

Выпустив попугая красноречия в чашу повествования, начну с того, что этот раб из высокого дворца сайида эмира Абдулахада², полновластного государя священной Бухары, во времена высочайшего царствования на престоле великого отца моего, изучив вначале основы веры, в 1893 году по грегорианскому летоисчислению³, в возрасте тринадцати лет по приказу и повелению его высочества шахиншаха, великого отца моего отправился в Россию вместе с несколькими достойными сотоварищами и прибыл в Петербург для получения образования и изучения государственных законов и науки управления государством. Для получения полного образования надо было учиться в школе семь лет. Однако великий отец моей пожелал ускорить обучение, и для меня установили срок в три года. Поскольку школы летом закрывались, все эти три года я приезжал в Бухару на службу к отцу. После трех лет обучения наукам государственного управления я, завершив курс, сдал экзамен.

В 1891 году по грегорианскому летоисчислению, будучи назначен престолонаследником, вернулся из Петербурга в Бухару к его высочеству высокородному великому отцу своему.

Удостоившись встречи со славнейшим государем и поцеловав руку, я стал его неразлучным спутником на два года, и в течение всего этого срока, состоя на службе, получал из его благословенных уст наставления об устройстве земель подвластной ему священной родины, что принесло мне много пользы. Высокородный великий отец, оказав милость, отдал мне в управление область Насаф в окрестностях священной Бухары и пожаловал высокое положение, и, возложив на чело государев указ, облаченный в жалованное государем платье, с позволения великого отца моего я отбыл в упомянутую область, где встретили меня знатные и избранные и простой народ упомянутой области, устроив торжественный прием. Я, пренебрегая высоким своим положением, также совершил приветствие и, войдя в цитадель области Насаф, поздравив именитых, осчастливил всех и удовлетворил. Всего этот ничтожный раб правил в области Насаф двенадцать лет.

За время правления я осчастливил и удовлетворил население упомянутой области, постоянно заботясь о подданных и странствующих, требуя от угнетателей справедливости к угнетенным, сострадая беднякам. Близ упомянутой области на реке «...» находилась переправа, на которой, видя, сколь трудно подданным переправляться на тот берег, я воздвиг за свой счет на упомянутой реке мост из камня и извести, чтобы путешественники и местные жители, избавившись от беспокойства и затруднений, были бы довольны. Весьма радел я также о строительстве медресе и храмов. После этой моей двенадцатилетней службы великий отец мой, переместив на службу в область, известную как Кермине, которая также находилась в окрестностях стольной Бухары, приблизил меня к своей монаршей милости.

От правления в области Насаф я перешел к правлению областью Кермине. Упомянутой областью управлял в течение двух лет. В это время его высочество государь сайид эмир Абдулахад-хан, великий отец мой, скончался, высвободив голову небытия из пут существования. Времени правления его высочества могучего владыки, великого отца моего было двадцать шесть лет.

¹ В соответствии с персидской эпистолярной традицией эмир Алим-хан именует себя то «этим рабом», то «этим ничтожным рабом». Конечно, под этим подразумевается «раб Божий». В оригинале глагольные окончания указывают читателю, что автор имеет в виду себя. В русском переводе для уточнения приходится вставлять личные и притяжательные местоимения «я», «мое» и т. д.

² Отец эмира Алим-хана эмир Абдулахад-хан правил с 1885 по 1911 год.

³ В оригинале часть дат приводится по хиджре, часть по грегорианскому летоисчислению. В переводе для удобства читателей все даты даны по грегорианскому летоисчислению

10 числа месяца мухаррам 1329 года хиджры, соответствующего 1911 году грегорианского летоисчисления, я воссел на наследственный престол, на место усопшего и почившего в бозе отца моего, на трон падишаха. Все население священной Бухары признало власть этого ничтожного раба.

После восшествия на престол этот раб, прислуживающий у божьего порога, осчастливил подданных, простив им в качестве дара годовой налог. По прошествии одного года я направил все свои усилия на наведение порядка в государственных делах и управлении подданными. Приложил чрезвычайные усилия для благоустройства государства и поддержания в нем порядка. Занялся строительством медресе и храмов. Особое значение придавал обучению всем наукам. В священной Бухаре, неподалеку от Арка¹, в месте, называемом Боло-и Хавз, на свои средства построил храм-мечеть. Около бухарского минарета на базаре выстроил на свои средства медресе-академию для обучения всем наукам, назначил учителя, а также управителя, и в определенное время доставлял одежду и жалованье для учеников, занимающихся и живущих в упомянутой академии. За три года я благоустроил государство <...> Население Бухары и провинций было мне за все это весьма признательно. Я же, раб, счастлив был тому, что делом рук своих служу своему народу.

Царствовал ничтожный раб десять лет. По прошествии десяти лет вступил в борьбу с Советской Республикой большевиков и в конце концов вынужден был переселиться в Афганистан.

Повествование о войне с большевиками

Желаю изложить на бумаге повесть о борьбе с большевиками и о своем переселении, чтобы читающие эти строки были осведомлены обо всех обстоятельствах моих приключений.

<...> В мое время Россия и Бухара заключили договор, и по этому договору Бухара сократила свое войско и вооружение, а Россия взяла на себя обязательства содержать двенадцать тысяч солдат, и как только возникнет необходимость в войске и вооружении для защиты государства, они тут же будут предоставлены Бухаре Россией. Пока правил император, Бухара не имела надобности в войске и вооружении, и все усилия и средства мы направляли на благоустройство страны.

Точно так же и после революции в России этот раб, прислуживающий у божьего порога, все усилия направлял на то, чтобы достичь благосостояния своего государства. Но по божьей воле появились в российском обществе люди безродные и личности невежественные, внесшие в Россию раздоры. Приняв твердое решение, я отдал предписание: повсюду, где бы ни появились личности, имеющие склонность к этим ни на чем не основанным законам, задерживать их. Наконец императорская власть в России была низложена, и русское общество возвысило из своей среды несколько человек, которые назвали свою власть Собранием Временного Совета, выдвинув главой республики Керенского. Это их временное государство просуществовало несколько месяцев. Глава республиканского правительства вышеупомянутый Керенский направил посланника, своего полномочного представителя по имени Преображенский, который, прибыв в стольную священную Бухару и встретившись с этим ничтожным рабом, провел переговоры, в ходе которых составлен был государственный договор, предоставлявший согласно справедливому соглашению с этим ничтожным рабом суверенитет государству Бухара, после чего посланник договор подписал и отбыл.

Получив суверенитет для Бухары, наладив с Афганистаном дружеские и доброжелательные отношения, я послал от Бухары в Афганистан министра

¹ Арк — резиденция правителя в Бухаре.

Тураходжу и Муллокутбиддина. Также послал в это время Ходжу Сафарбия своим представителем в английскую комиссию в Мешхед. Упомянутая комиссия также дала благоприятный ответ. Затем я объявил большевикам, что они должны покинуть Бухару. Вдобавок к этому я послал Мирзо Салимбака парвоначи¹ и Абдурауфа корвонбаши², чтобы провести английские войска, в Чарджоу. Но по прибытии их в Чарджоу, оказалось, что английские войска передислоцировались.

Тогда же Афганистан с Британией начали военные действия, и полномочный представитель афганской стороны генерал Мухаммад Вали-хан прибыл в священную Бухару, намереваясь встретиться с нашей монаршей особой, привез от его высочества эмира Афганистана многие подарки и вручил их этому ничтожному рабу, встретившемуся с посланником. Во время беседы он спросил этого ничтожного раба о личных моих целях. В ответ я сказал:

— Полагаю, что лучше всего было бы начать войну с большевиками, поскольку момент сейчас кажется в высшей степени благоприятным для поражения противника. Необходимо использовать время и удобный случай.

Посланник, будучи человеком дальновидным и приверженным исламскому государству, ответил мне следующим образом:

— Вы с правителем Афганистана — братья. Один из вас, вступив в единоборство с Британией, начал войну. Вы же, со своей стороны, подобное предприняли с государством большевиков. Да сохранит бог от того, чтобы действия ваши <...> не стали бы причиной крушения двух государств исламского мира, а посему не проявляйте поспешности, пока не выяснится, как окончится предприятие вашего брата. И лишь затем лучше всего было бы обсудить друг с другом целесообразность дальнейших действий.

Поскольку слова этого посланника были в высшей степени справедливыми, я счел за благо последовать сказанному и, храня в памяти этот совет, не единожды брал себе в помощники терпение и выдержку.

Мухаммад Вали-хан из Бухары направился в Россию. Его высочество эмир Афганистана в целях укрепления дружеских связей послал ко мне кадрового полковника Фазлахмад-хана с двумя сотнями солдат, оркестром, семью пушками, семью слонами. Тогда этот ничтожный раб с целью сохранения государственности решил послать к главе Временного правительства Керенского своего доверенного человека, сделав его полномочным послом, чтобы возобновить и подписать договор. Но в скором времени в вышеупомянутом государстве произошла революция и общество разделилось на две части. Одна — меньшевики, другая — большевики. Они начали взаимную борьбу. Вследствие этого затеялась чрезвычайная рознь и распря, и наконец Российским государством завладели большевики, а все высшие слои русского общества бежали в поисках спасения, рассеявшись по всем странам. Законы большевиков ни узнать, ни понять невозможно, поскольку все их усилия и стремления направлены на разрушение власти и порчу государства, на уничтожение людей и храмов, и всюду, где они видят человека почитаемого и имеющего власть из любого сословия, грабят его и разоряют, и его убийство почитают для себя необходимым. Обещаниям и заверениям их тоже не следует доверять.

В то время этот ничтожный раб прилагал все возможные усилия для поддержания государственного порядка в Бухаре. Большевики, действуя по своим законам без основ и следуя бесполезному учению и безнравственному, как у проституток, образу действий, принесли вскоре заразу этого образа действий в священную Бухару, где, пытаясь следовать ему, собралось около 117 человек, личностей ничтожных, людишек без знаний, объединились в союз с простоллюдинами из самаркандцев и ташкентцев и создали общество, и двое из того общества, Файзулла Ходжаев и Мирзомухиддин Мансуров, обнаружив свои цели, вознамерились оказать поддержку подстрекателям большевиков. От большевиков явился на помощь к джадидским подстрекателям Колесов, который, прибыв по железной дороге в Каган, близ Бухары, в начале марта 1918 года в субботу и объявив войну, начал военные действия против бухарского государства.

Несмотря на нехватку вооружения и военного снаряжения, благодаря божьей

¹ Придворный чин из числа высших. (Значение всех званий, титулов, терминов и пр. здесь и далее приводится по кн.: Таджикско-русский словарь по истории. Составители А. М. Мухтаров и А. А. Егани. Издание второе, дополненное. — Душанбе: Дониш, 1986.)

² Старшина, начальник каравана.

поддержке и пророческой помощи шариата, счастье оказалось на стороне мусульман Бухары, и этот раб одержал победу.

Большевики, не достигнув своей цели, дали согласие на мир. Этот раб, постоянно помня о благе мира, заключил перемирие. После этой войны в Бухару от Ленина и Троцкого прибыли председатель большевиков Элиава и полномочный посол Бройдо и вступили в переговоры с этим ничтожным рабом, дав согласие на суверенитет Бухары, обещав вооружение и военное снаряжение. <...> Назначенный послом Советского государства в Бухару Аксельрод в целях укрепления союза против Афганистана, прислал мне в подарок из Ташкента одиннадцать пушек без снарядов. По этим пушкам без снарядов я мог судить об отношении большевиков к Бухаре. Этот ничтожный раб, не видя от большевиков и их посла отношения, соответствующего договору, решился на смелое предприятие — задумал направить все силы и средства на то, чтобы привести в боевую готовность войска и вооружение.

Собрав за два года некоторое количество войска и вооружение, привел их в боевую готовность. Как только большевики осуществили свои декреты, приведя страну в смятение, со всех сторон подняли головы смутьяны, затеяв распри и розни и обессилив большевиков. Власть большевиков довела до разрухи российские железные дороги, проложенные в старые времена и ведущие в разные страны, и этот ничтожный раб был уверен, что большевики <...> непременно будут мстить Бухаре. В это время, приведя в движение свои войска, я решил начать военные действия.

Правительство Хорезма, заключив со мной договор, перейдя под мое управление, возымело желание вместе вести войну с большевиками. Но возможно, большевистская власть, с трудом обратившись к прогрессу все-таки образумится? В надежде на это ничтожный раб со своей стороны направил к Ленину и Троцкому для установления отношений посольство из нескольких человек. Я намеревался возобновить и подписать договор. Но неумение держать слово и безответственность большевиков я знал хорошо. Если бы я заключил договор с подобной, ни на чем не основанной, незаконной, не выполняющей своих обязательств властью, то это означало бы опозорить Бухару перед иностранными державами. Хорошо зная об этом по собственному опыту, я решительно безо всяких намерений и безо всякой цели направил в Москву к Ленину и Троцкому пятерых послов — генерала Махди-хана, Ходжиджурабека туксабо¹, Гайбуллу Ходжи, Мирзонаврузбая и еще одного человека с поздравлениями и для установления отношений.

Поскольку было видно, что Бухара в скором времени укрепится и придет в порядок и стремится она прежде всего к вероисповеданию ислама, что с Афганистаном завязываются тесные отношения, у большевиков возникли зависть и опасения, что если Бухара таким образом будет постепенно крепчать, то их республиканское государство будет тем самым раздроблено и столкнется с немалыми заботами и трудностями.

День за днем отношение большевиков к Бухаре становилось все более жестким, и они, осуществляя свои незаконные намерения, постоянно стремились начать войну. Однажды подданные Бухары были схвачены на дорогах и брошены в тюрьму. Наконец противники исламского государства собрали множество солдат и вооружения, желая напасть на священную Бухару. Этот ничтожный раб, подготовив свои войска, собрал их вокруг железнодорожной станции священной Бухары — Кагана, вооружив и приведя в боевую готовность. Люди из рода большевиков², лстя и угодничая, нарушив дружеские связи, облачившись в одежды вероломства и обмана, прислали из Ташкента для перемирия человека по имени Баранов, полномочного представителя министра иностранных дел. Посланник с особыми полномочиями, прибыв к этому ничтожному рабу, просил разрешения на переговоры и заключение соглашения, убеждая: «Поскольку Российское государство на протяжении 55 лет поддерживало с Бухарой дружеские и добрососедские отношения и до настоящего времени мы от Бухары видели лишь обоюдную выгоду и никакого ущерба одно государство другому не наносило. Желая, чтоб и в дальнейшем меж государствами проявлялись лишь дружество и доброжелательность, просим от вас

¹ 1) Начальник воинского подразделения, имевшего свое знамя, 2) подполковник, иногда занимал должность полковника.

² В тексте сказано «кавми балшувик». Кавм — семейно-родовая группа. Любопытно, что для обозначения политических отношений эмир применил лексику из патриархального общинного быта.

помощи и поддержки. Наша республика готова оказать любую услугу, какая вам только потребуется. Однако рассчитываем на то, что вы отведете свои войска от станции нашей железной дороги, чтобы мы могли возвести укрепления на своей станции. Солдаты наши люди дикие и невежественные. Может случиться так, что при виде ваших солдат они затеют распрю, и не хотелось бы, чтобы это опорочило нас в глазах вашего высочества. Все, что вы желаете, и все, что вас удовлетворит, мы тут же исполним».

Подписав в ходе этих переговоров договор, посланник отбыл. Тех нескольких человек из числа наших подданных, схваченных на дорогах и задержанных, <...> отослали обратно.

Этот ничтожный раб, отведя свои войска от вышеупомянутой станции на расстояние трех миль от железнодорожного полотна, возвел оборонительные сооружения. На вышеупомянутой станции оставил около сорока караульных, предназначенных исключительно для того, чтобы защитить проезжающих и подданных местных жителей от возможного притеснения. Противник же, посредством этой хитрости усыпив мою бдительность, без объявления войны, без предупреждения, словно разбойник, в понедельник 29 августа 1929 года в полночь напал на караульных, выставленных в окрестностях линии железной дороги на всех направлениях, и около пятнадцати человек из них взял в плен. В это время напав на бухарское войско, начали военные действия. В два часа после полуночи начали военные действия, проведя артиллерийский обстрел и оружейную стрельбу, пригнав множество войска и вооружения, бронепоезд и бронированные автомобили. Одиннадцать аэропланов, поднявшись в воздух, забросали Бухару бомбами.

Этот ничтожный раб, будучи вынужден выдвинуть вперед свои войска, вручив свою судьбу божественному провидению, вел бои на протяжении четырех суток. Во время военных действий противник нанес городу большой урон артиллерийским и пулеметным огнем, запалив почти половину Бухары. Несчастные мусульмане, плачущие и испуганные, бросив на произвол врага скарб и имущество, жен и детей, ошеломленные, разбежались во все стороны. Несмотря на это ничтожный раб четверо суток вел бои и сражения с противником. Великий урон и разрушения, вызванные артиллерийским обстрелом и бомбежкой, страх и ужас, обуявшие несчастное население города, навели меня на мысль: если этот ничтожный раб изволит покинуть священную Бухару, то несчастные подданные, имущие и неимущие, избавятся от ужаса и тревоги. В среду, на четвертый день после начала событий, подобно святому посланнику Аллаха, да будет он благословен, на фаэтоне я изволил начать свое переселение, отбыв из шахского сада Ситора-и Мохи Хоса, направляясь в сторону уезда <...> Гиждуван.

В это время моими спутниками были Абдулшукур-хан, афганский посланник, и кадровый полковник Мухаммад Аслан-хан, егермейстер, афганский военный судья, ташкентский посланник, двадцать четыре бухарских чиновника, бухарские и афганские солдаты. Добравшись до уезда Гиждуван, мы остановились на ночлег.

Услышав о моем переселении, подданные, имущие и неимущие, с женами и детьми, плача и стелая, бросились вслед. Вечером упомянутой пятницы достигли моей резиденции в Гиждуване. Более чем десять тысяч человек с плачем и восклицаниями, не в силах пережить день разлуки, бились оземь. Некоторые от скорби и печали вручали душу Аллаху. Этот ничтожный раб, подбодрив этих опечаленных и несчастных, дав им наставление, утешил их и прочитал молитву за этих несчастных, помолившись и о себе и о тех несчастных подданных, имущих и неимущих, оставив их отчаиваться и ждать, изволил отбыть в Восточную Бухару.

Прибыв через 8 дней в подчиненную Бухаре область Курган-Тюбе, остановился там на десять дней. Во время переправы из Гиждувана внезапно появившиеся броневики преградили нам, несчастным, путь. На этом месте были схвачены несколько высокопоставленных лиц из моего окружения, такие как Усмон кушбеги¹, главный судья Бурхониддин, раис² Абдурауф корвонбоши, Юсуфбий, Мукимбий. Чтобы закрыть путь врагу, укрепившись и собрав много войска и населения из крепости местности Дарбанд, подвластной области Байсун, я начал военные действия против врага, и, отступив из упомянутой области, остановился в области Гиссар в Восточной Бухаре.

¹ Кушбеги — (буквально — главный ловчий) начальник ставки ханских войск; лицо, носившее это звание, было главой исполнительной власти, премьер-министром, в руках которого находилась вся исполнительная власть в стране.

² Либо глава, начальник, либо цензор нравов, должностное духовное лицо.

Шесть месяцев я вел из области Гиссар бои и сражения с большевиками. Возглавлял военные действия военный министр, мой дядя с материнской стороны Мухаммадсаид-бек парвоначи, а также назначенные вести сражения Абдулхафиз парвоначи и кадровый военачальник Ибрагим-бек. На протяжении этих шести месяцев шли бои и сражения. Наконец, большевики вынуждены были привезти из Москвы множество войска и вооружения и разом напасть на воинство ислама. Поскольку вооружения и боеприпасов у солдат ислама было мало, после десяти дней боев и сражений ничтожный раб в поисках поддержки и помощи от иностранных государств отбыл из области Гиссар в область Куляб, и в упомянутой области Мулла Мухаммад Ибрагим-бек девонбеги и Давлатманд-бек девонбеги сарлашкар¹, происходивший из узбекской общины Восточной Бухары, весьма достойно служили Бухаре и проявляли беззаветную самоотверженность, доставляя удовлетворение этому ничтожному рабу. Призвав к себе вышеупомянутых военачальников, я дал им задание, упомянув, что этот ничтожный раб, отправившись в стольный Кабул, будет хлопотать о помощи и поддержке: «Если оттуда поступит для меня помощь и поддержка, то до моего возвращения вы с главными силами сдерживайте врага, сберегая свои войска. Нападения противника усиливаются. Если крепости не будут сохранены, это причинит беспокойство нашим подданным, имущим и неимущим. До возвращения моего бедняки и несчастные да будут обеспечены».

Отдав эти приказы, я отослал их в свои места. Мухаммад Ибрагим-бек и Давлатманд-бек, подчиняясь вышеприведенному моему указанию, укрепили крепости на путях противника, сам же этот ничтожный раб, переправившись на переправе Даркад через реку Аму в области Куляб <...> достиг афганского берега. Кадровый полковник пограничных войск Афганистана, построив своих солдат, вышел вперед с торжественной встречей и приветствием: здесь <...> все приготовили для того, чтобы я, отдохнув, смог бы прибыть в Русток. <...> Мухаммад Алам-хан, вышеописанный полковник, выставил вперед для торжественной встречи около трехсот своих солдат, и, приветствуемый одиннадцатью пушками, я с почестями вступил в Русток. Проведя там две ночи, я послал правителю Катагана известие о том, что буду проходить по его владениям. В субботу <...> я отбыл из Рустока в Катаган; сын наместника с некоторым числом уважаемых людей той области вышел навстречу для торжественной встречи, встретившись с этим ничтожным рабом в пути, и вместе мы двинулись в столицу.

Мухаммад Акбар-хан, вышеупомянутый наместник, и Бинбин-хан, заместитель командующего войсками, с пушками и музыкой вышли вперед почти на фарсах², устроив торжественную встречу и приветствие двенадцатью пушками, и встретившись со мной, <...> вступив в столицу Катагана, избрали местом моего пристанища шахский сад Хаэт ул-абад.

Пребывал там в течение тридцати пяти дней. В это время от его высочества эмира Аманулла-хана, афганского эмира (к которому я послал с просьбой о гостеприимстве Мухаммад Аслам-хана, миршикора³, долгое время состоявшего на службе этого ничтожного раба и бывшего человеком сведующим), поступило сообщение: меня приглашали в Кабул, к его высочеству, чтобы встретившись вместе, соединить усилия в борьбе против врага.

Еще тогда, когда этот ничтожный раб переправлялся через реку Аму на афганскую сторону, меня сопровождали около трехсот человек из наиболее уважаемых бухарских наукаров, а кроме того на каждой переправе упомянутой реки к нам присоединялись люди, чтобы стать моими сторонниками, и собралось их возле меня приблизительно сто тысяч человек. Из этого общества, взяв с собой приблизительно пятьсот человек из числа бухарской знати, я послал других во все места афганских владений, сам же с вышеупомянутыми пятьюстами людьми отбыл в стольный Кабул.

Проведя несколько дней в пути <...> я прибыл в Кабул, где для пребывания ничтожного раба приготовили шахский сад Кала-и Мурдобек.

Десять человек министров и высших военачальников его высочества эмира Афганистана прибыли в упомянутый сад с торжественной встречей, затем этого ничтожного раба встретил его высочество эмир Афганистана с несколькими уважаемыми лицами, и я

¹ Сарлашкар — 1) дивизионный генерал; 2) военачальник.

² Мера длины, около 6 километров.

³ Миршикор — начальник ханской охоты.

удостоился дружеского общения. В течение целого месяца Афганистан оказывал мне гостеприимство, а по прошествии месяца определили на мои траты и расходы ежемесячную сумму и двенадцать тысяч кабульских рупий. Этот ничтожный раб прилагал все усилия и рвение, стараясь устроить свое дело. Но по воле Аллаха, в соответствии с судьбой и долей усилия оставались тщетными, помощи и поддержки не было видно. А посему, смирившись с волей Божьей, я занялся тем, чтобы обосноваться в Кабуле. Как только я выразил пожелание обосноваться здесь, его высочество афганский эмир, преподнес мне в дар шахский сад под названием Фату в южной части Кабула, изволил добавить к двенадцати тысячам рупий, что были определены мне ежемесячно на расходы, еще четыре тысячи пятьсот рупий.

Как только я перешел из бухарских в афганские земли, большевики двинулись вперед, начав сражение с Мухаммад Ибрагим-беком девонбеги, и через несколько дней войска упомянутого военачальника из-за недостатка боеприпасов и постоянных нападений врага, рассеявшись во все стороны, скрылись высоко в горах. Враг же, войдя в раж, принимал повсюду хватать население, доведя насилие и притеснение до крайнего предела.

Военачальник Мулла Ибрагим-бек девонбеги, собрав свои вышеупомянутые войска, совершая одно за другим нападения на каждое селение, где находил пристанище враг, постепенно собрал множество оружия и боеприпасов, принеся благо подданным и угнетенным, и в скором времени, собрав около десяти тысяч человек, двинулся на провинции Куляб и Бальджуан, освободив эти две области из рук врага и написав этому ничтожному рабу об обстановке и своем положении, и послал сообщение в Кабул с несколькими своими военачальниками. Вышеупомянутые, прибыв ко мне, донесли об обстановке, положении и службе описанного Мулла Ибрагим-бека.

В это время Ибрагим-бек девонбеги двинулся на области Каратегин и Дарваз и, атаковав, овладел также и этими двумя областями, и об этих обстоятельствах послал мне сообщение. Я был весьма удовлетворен этим примером и мужеством Ибрагим-бека. Пожаловав упомянутому Ибрагим-беку высокую должность, отдал приказ продолжать военные действия.

Упомянутый Ибрагим-бек на протяжении семи лет вел войну с большевиками за народ ислама и за дело этого ничтожного раба, и во время войны о всех проявлениях мужества и о том, как идут бои, непременно сообщал мне.

Как только упомянутый Мулла Ибрагим-бек получил в руки мои указы, собрав войска свои, пошел на область Гиссар, выдвинув авангард, вступил в жаркие бои и сражения, взял в трофеи вооружение и казну и, осадив цитадель области Гиссар, осведомил о своем положении этого ничтожного раба, сообщив о моджахедах — борцах за веру ему служащих, и этот ничтожный раб издал приказ, скрепленный печатью и подписью, о награждении моджахедов, борцов за ислам, высокими должностями. Всякий раз я получал сведения о происходящем, посылая из Кабула с расспросами о положении дел одного-двух человек, которые, прибыв на место и расспросив обо всем, возвращались обратно. Упомянутый Ибрагим-бек без моего позволения никаких действий не предпринимал.

В то время, когда была осаждена область Гиссар, в область Курган-Тюбе к солдатам, моджахедам прибыл Энвер-паша, турок с двадцатью семью турецкими спутниками, намереваясь из Бухары перейти в Восточную Бухару¹. Солдаты донесли вышеописанному Мулла Ибрагиму об обстоятельствах появления Энвер-паши. Вышеописанный военачальник изложил суть дела этому рабу, отложив решение до получения моего одобрения, описав мне обстоятельства того, как изволил прибыть зять халифа всех мусульман². Получив это известие, я послал приказ, где говорилось о том, что Энвер-паша — чрезвычайно сведущ и опытен в сражениях, и предписывал Ибрагим-беку, призвав его к себе, спросить: «Если вы желаете служить исламским народам, то служите под началом нашего государя, в ином же случае извольте следовать далее».

Исполняя приказ этого раба, Мулла Мухаммад Ибрагим-бек собрал солдат, моджахедов, устроив торжественную встречу Энвер-паше и пригласив его к себе, осведомился о его личных намерениях. Энвер-паша, желая служить народам ислама вместе с упомяну-

¹ Восточной Бухарой в бухарском эмирате назывались области, находящиеся на территории современного южного Таджикистана.

² Энвер в 1914 году женился на Эмине Наджие Султан, племяннице царствующего турецкого султана, что позволило ему именовать себя «зятком халифа всех мусульман».

тым Ибрагим-беком, обязался числиться на службе, а вышеописанный Мулла Ибрагим-бек, предприняв наступление на область Гиссар, добился успеха, и взяв в упомянутой области немалую казну и множество военного имущества в трофеи и сделав упомянутую область своим центром, двинулся на области Дехнав, Байсун, Хузор, Шерабад, Карши, извещая этого ничтожного раба о положении своих дел. Я со своей стороны приказал пожаловать указанному Ибрагим-беку священный Коран и почетный форменный халат, шитый золотом. Как только молва о военных действиях Ибрагим-бека достигла окрестностей города Бухары и туманов¹ Бухарского государства, население окрестностей города Бухары и туманов Гиждуван, Пирмаст, Вабкент, Ходжаориф, Худфар, Гонза, Каракуль — почти пятнадцать тысяч человек собрались и, составив грамоту, изъявляющую самоотверженность и верноподданность этому ничтожному рабу, послали Ибрагим-беку. Мулла Ибрагим-бек, послав грамоту мне, просил взять их под начало, и поэтому я, следуя пожеланиям моих подданных, повелел вверить управление подданными, бухарскими воителями, готовым умереть за веру. Муллоабдулкаххару, одному из наиболее уважаемых моих спутников, а из самих упомянутых общин назначить для управления по несколько человек от каждой общины, и издал приказ о том, что указанный Муллоабдулкаххар, следуя моему повелению, должен прибыть в Восточную Бухару к упомянутому Ибрагим-беку и встретившись с ним, проследовать в Бухару, и, прибыв к подданным, бухарским воителям, готовым умереть за веру, расспросить их от моего имени о положении дел в тамошних общинах. Затем, приведя их в боевую готовность, начать против большевиков военные действия, жертвуя собой ради отечества. То, как вели бои и сражения воители священной Бухары, готовые умереть за веру, я расскажу, коли будет на то воля Аллаха, несколько позже.

Поскольку Энвер-паша в течение года с преданностью и самоотречением служил вере в Восточной Бухаре близ Ибрагим-бека, то он за это время, овладев несколькими областями Восточной Бухары, освободил Бухару из рук врага.

Затем Ибрагим-бек, действовавший в союзе с жителями Восточной Бухары, по требованию этого ничтожного раба изложил все обстоятельства событий для его высочества эмира Афганистана и послал с сообщением в столицу Кабул восемь человек своих соратников. Указанные посланники, прибыв в Кабул, в беседе с афганским эмиром сообщили ему о положении дел.

Энвер-паша высказал следующее пожелание: «Ныне укрепления на путях движения врага в Восточной Бухаре не соответствуют необходимым требованиям. Поскольку против нас действует противник из одного из наиболее сильных на земле государств, для успеха дела мы должны включиться в сражение с ним сообща. Если будет на то воля Аллаха, как только победим в области Байсун, взяв ее в свое владение и укрепив границу с местностью Дарбанд, сразу же установим свою власть».

Вслед за тем посланцы Восточной Бухары стали собираться к себе обратно; его высочество эмир Афганистана, каждого из них осчастливив своим сочувствием и расположением, дал разрешение удалиться, с чем упомянутые посланники и вернулись в свои места.

После этих событий 4 августа 1922 года в сражении в Бальджуане погиб за веру Энвер-паша. Энвер-паша сподобился стать шахидом, воином-мучеником, погибшим за веру, ко дню праздника Курбан. Его тело погребено в местности Чакан, в месте паломничества к святому Султану; а через некоторое время <...> Ибрагим-бек, приведя в боевую готовность моджахедов Восточной Бухары, собрал их, чтобы идти на область Байсун.

В это время большевики, собрав своих солдат в Даркаде на берегу реки Аму, провели переговоры о границе с Афганистаном и положение их несколько укрепилось. Ибрагим-бек, услышав о том, воздержался от передвижения в верховья Байсуна, двинув туда несколько сподвижников с половиной своего войска, сам же Ибрагим-бек, взяв с собой пятнадцать тысяч солдат, подошел к границе Афганистана, чтобы оказать помощь афганскому государству, и встав за горным хребтом, ожидал в течение сорока дней, в те дни славный Давлатманд-бек также сподобился смерти за веру.

¹ Т у м а н — административно-территориальная единица в Бухарском ханстве; местность, орошаемые земли которой измерялись в сто тысяч манавов (манаб приблизительно равен четверти гектара).

Об этих событиях народ Восточной Бухары узнал от врага. Большевики в течение некоторого времени прилагали усилия, намереваясь собрать солдат, затем, в 1925 году по грегорианскому летоисчислению, разом напали на Ибрагим-бека, полководца Восточной Бухары; двадцать пять дней вели они бои и сражения, проводя дни в битвах, а ночи — в ночных атаках. Во время сражений вышеописанный Мулла Ибрагим-бек, одержав победу, взял в трофеи несколько пушек и пулеметов, тысячу восемьсот пятизарядных винтовок, триста тысяч патронов для них, два боевых бронеавтомобиля, два аэроплана, а из сбитых в воздухе аэропланов — несколько пистолетов маузер, известия этого ничтожного раба о вышеперечисленных событиях.

Большевики, не достигнув цели, отступили. Вышеупомянутый Ибрагим-бек также сосредоточил усилия на укреплении страны и приведении войск в боевую готовность. После этого отношения между Афганистаном и большевиками смягчились, было заключено соглашение. Получив это известие, Ибрагим-бек вознамерился отступить в свои места. Большевики, узнав о том, атаковали Мулла Ибрагим-бека с нескольких сторон с двадцатью пятью тысячами солдат и, начав военные действия, на протяжении пяти суток вели бои и сражения. С обеих сторон было убито множество народа.

Поскольку атаки врага усиливались, войско моджахедов начало рассеиваться в разные стороны, сам же Ибрагим-бек с тремястами соратниками остался в окружении противника, ведя жестокие схватки. Наконец указанный Ибрагим-бек, бросившись верхом на коне в реку Аму, переправился на афганскую сторону. Подробности о военных действиях и своей переправе через реку сообщил этому ничтожному рабу. Власти Афганистана, услышав о прибытии вышеупомянутого Ибрагим-бека в столичный Кабул, устроили в его честь трехдневный прием, определив для него танхо¹ и жилые покои. Ибрагим-бек, не желая ни лена, ни жилых покоев, просил у властей Афганистана: «Я — один из слугителей падишаха Бухары, жертвенно ему преданных. Единственно, чего желал бы, это отправиться к своему благодетелю и остаток дней моих провести у его порога».

Вследствие сего Ибрагим-бека направили ко мне, чтобы он, встретившись со мной, остался бы на жительство. На его расходы афганские власти определили ежемесячное жалованье в пятьсот пятьдесят кабульских рупий.

Сражения Муллоабдулкаххара в окрестностях Бухары в течение трех лет

Как только Муллоабдулкаххар по повелению этого раба прибыл из Кабула к моджахедам, воителям, жертвующим собой за веру, в окрестностях Бухары и в туманах Бухары, стараясь привести войска в боевую готовность, ведя сражения в тумане Гиждуван, и туман Гиждуван освободив из рук врага и взяв в свое владение. <...>

Отовсюду <...> собралось к нему свыше двадцати пяти тысяч человек. <...> Вступив в ожесточенные схватки, они в течение одного месяца захватили у большевиков в качестве трофеев две тысячи пятизарядных винтовок, сто тысяч патронов к ним, десять пулеметов; три боевых бронеавтомобиля и, взяв в свои руки туман, направились в область Нурата. Несколько тамошних высокопоставленных лиц вышли навстречу войску, чтобы узнать подробности о действиях войска моджахедов, сами же подданные вместе с войском, вступив в область Нурата, взяли в плен городских большевиков. Местное население было счастливо, читая молитвы во здравие этого ничтожного раба. Муллоабдулкаххар, взяв у большевиков в трофеи множество военного снаряжения, сделал область Нурата своим центром, и поддержки ради оттуда совершил поход на Бухару, дойдя до моста Мехтар Касим. В это время Абдулхамид-эфенди, военный министр джадидского правительства Бухары, с шестьюдесятью отлично вооруженными людьми из Бухары, а также прибывшими из Турции и Индии, вышел навстречу и, встретивши Муллоабдулкаххара, подарил ему шесть тысяч английских денег и два пулемета и, получив от Муллоабдулкаххара разрешение, они направились в сторону Восточной Бухары и, прибыв к Энвер-паше и Ибрагим-беку девонбеги, просили зачислить их на службу.

Об этих событиях Энвер-паша сообщил этому рабу. Большевики, услышав о прибытии Муллоабдулкаххара к мосту Мехтар Касим, собрав войско, вышли навстречу,

¹ Лен: вода и земля, пожалованные эмиром за особые заслуги.

начали бои и вели сражение двое суток. Муллоабдулкаххар одержал победу, большевики отступили. Муллоабдулкаххар, осадив город Бухару, взял шесть ворот Бухары. Большевики были вынуждены освободить город, отойдя на железнодорожную станцию Каган. Муллоабдулкаххар, войдя в город и простояв в нем четыре часа, двинулся из городских пределов в сторону святыни Баховаддин и после десятичасового сражения также освободил это место из рук большевиков.

Взяв в Бухаре и Баховаддине большие трофеи, послал мне сообщение о происшедшем; когда все выяснилось, я был весьма удовлетворен службой упомянутого Муллоабдулкаххара. Послал в дар вышеуказанному шитый золотом форменный халат и пистолет маузер «V».

В эти дни большевики, придя в беспокойство, прилагали усилия, чтобы собрать войско. Привезя из Москвы и Ташкента множество солдат, напали со всех сторон на вышеупомянутого Муллоабдулкаххара, отняв у моджахедов город Бухару и Баховаддин; почти тысяча моджахедов попала в плен к большевикам. Много усилий большевики приложили, чтобы схватить Муллоабдулкаххара, день и ночь бились, не выпуская из рук оружия. День ото дня усиливались атаки врага, большевики истратили много средств на борьбу с войсками моджахедов, и, подняв революцию, в течение двадцати пяти дней убили и сделали мучениками за веру двух братьев Муллоабдулкаххара, приведя в волнение подданных, имущих и неимущих, совершив многочисленные разрушения.

По этой причине из-за бедствий населения Муллоабдулкаххар удалился в Казахстан, где укрылся в степи, чтобы не служить причиной беспокойства и волнений подданных.

Большевики привели в туманы множество солдат, чтобы в случае, если воинство восстанет на защиту законной власти, оно не могло бы действовать.

Этот раб рассказал обо всем, начиная от времени, когда был наследником, от времени монархии, когда правил в священной Бухаре и областях, и кончая войной, которую вел с большевиками во время революции, после чего, решившись на переселение, перебрался в стольный Кабул. Население Бухары и жители тех мест семь лет бились на моей стороне с большевиками. Я же перенес повествование на бумагу, чтобы всякий, кто желает узнать историю моих приключений, был бы просвещен.

**Жажду молитвы за меня от всякого, кто это прочтет,
Ибо я — грешный раб.**

К о н е ц.

Перевод с фарси Владимира МЕДВЕДЕВА.
